

Е
К
А
Т
Е
Р
И
Н
А

Д
И
Б
Р
И
В
С
К
А
Я

18+

Радость
МОИХ
серых
дней

ИХ СВЕЛА САМА СУДЬБА

Второй шанс на счастье

Екатерина Дибривская

Радость моих серых дней

«Автор»

2020

Дибривская Е.

Радость моих серых дней / Е. Дибривская — «Автор»,
2020 — (Второй шанс на счастье)

Тихон полон секретов: живёт в отдалении от людей в избушке лесника, что притаилась высоко в горах. Под видом смотрителя заповедных лесов он истаптывает километры в поисках браконьеров и своего врага. Случайность приводит в его мир хрупкую Севиндж, девушку, годящуюся по возрасту в дочери. Вспыхнувшая вовсе не родительская страсть, пылкие прикосновения, робкие поцелуи, жаркие признания, и Тихон готов оставить свои поиски и просто жить дальше. Но Севиндж не так проста, как кажется на первый взгляд.

© Дибривская Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	39
Глава 16	41
Глава 17	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Екатерина Дибривская

Радость моих серых дней

Высечь бы из сердца – да не получится. Любовь не про боль. Про память. Долгую, иногда вечную. Ценную.

Можно ножом по горлу, можно – пулю в висок, но любовь из сердца – никогда.

Пролог

2000 год.

Лето уже клонится в своему исходу.

Наш отряд идёт по следу. Последнее задание. Повезёт – отправимся домой.

Нужно мразь поймать. Перебежчика. Предателя.

Впереди деревня.

Зачищаем один за другим дома.

Все идут в расход.

Иноверцы. Террористы. Отцы. Деда. Матери. Жёны. Дети.

У нас приказ. Не упустить гада.

Витюша распахивает дверь. Тихомир врывается и расстреливает женщину. Младенец просыпается от шума и заходится в рыданиях.

Тихомир бросается к колыбели. Достает нож. Заносит руку.

Я отворачиваюсь.

– Младенца-то не трогай, – говорю брату и слышу безумный чавкающий звук.

– Расслабься. Дело сделано.

Неоправданная жестокость.

– Дом чист, – говорит Витюша. – Идём дальше.

Уходим метров на пять от перекошенного забора.

Слышатся выстрелы.

Тихомир обрушивается на землю. Сквозной в голову.

Падаю рядом с братом.

Раздаётся взрыв.

Витюша отлетает в сторону.

Лучше бы **я** умер.

Глава 1

Она.

Меня зовут Севиндж, – прохрипела я мужчине.

Или мне так казалось.

Бородач непонимающе уставился на меня, и я попробовала ещё раз.

– Меня зовут Севиндж, – его глаза округлились. Услышал! – Меня похитили.

Больше я ничего не запомнила, потому что действие наркотика, которым меня пичкали каждые два часа, снова началось. Мне оставалось лишь надеяться, что этот огромный бородастый мужчина, который выглядел страшнее похитителей, не бросит в беде молодую девушку.

Всю жизнь, сколько себя помнила, я жила в обособленной горной деревушке на тридцать дворов, в семье дядюшки и его жены, воспитывающих меня в строгости мусульманских традиций. Но я не была мусульманкой. Я была обычной светловолосой белокожей девочкой со странным именем – Севиндж Смородина. Я выделялась среди местной ребятни и всегда была предметом насмешек. Оттого строгости в воспитании лишь прибавлялось.

В семнадцать лет я с отличием окончила школу и поступила в университет в большом городе. Там никто не смеялся над моей внешностью или именем, но друзей у меня от этого не появилось – никто не стоял в очереди на звание «лучший друг странной тихони».

Возможно, причина крылась в скромных одеяниях и голове, покрытой платком на свой манер, возможно, в уродливом шраме, что тянулся вокруг моей шеи – белый, рваный, неряшливый – он, словно трещина на фарфоровой кукле, бросался в глаза каждого человека.

Из-за него меня никто не брал замуж! Мне было двадцать, и ни один мужчина, что захаживали в гости к дядюшке, так и не захотел на мне жениться. Я чувствовала себя ущербной, недоженщиной. Даже мои послушание и невинность не стоили ровном счётом ничего!

Дядюшка лишь улыбался и заставлял учиться дальше. Пожалуй, я была единственной девушкой из деревни, кто не только окончила школу, но и пошла учиться дальше. Некоторые мои одноклассницы рожали уже по второму ребёнку.

Я училась уже на третьем курсе факультета иностранных языков. На дворе стоял промозглый ноябрь, и я готовилась к сессии. Как всегда, задержалась в библиотеке. Как всегда, возвращалась в одиночестве. На последнем трамвае.

Мне оставалось три остановки до общежития, когда в пустынный салон вошёл ещё один пассажир.

– В общежитие едешь? – спросил он и улыбнулся.

Молодой парень, примерно моего возраста, в руках несколько учебников.

– Да, в библиотеке задержалась, – посетовала я, поправляя шарф.

Я так боялась, что он увидит уродливый шрам! Глупая, наивная девочка!

– Я с однокурсником готовился, – поделился парень. – Тоже задержался.

– Понятно, – кивнула я и стала смотреть в окно.

Мы подъехали к общежитию и вышли в разные двери. Почти у самого входа в здание гулкие шаги студента нагнали меня.

– Без обид, – серьезно сказал он, и я удивилась.

Наверно, удивление – это последняя эмоция, которая сохранится у меня на долгое время.

Они заберут всё: страх, ужас, тоску, одиночество. А *он*, мой спаситель и погубитель, – любовь, веру и надежду. Но тогда я удивилась. Но не успела задать вопрос.

Я лишь почувствовала жжение от укола и провалилась в небытие.

– Тише, тише, – сказал парень и подхватил меня за талию. – Вот это ты напилась, сестрёнка!

Я увидела проходящую мимо пожилую пару с собакой, но не смогла произнести ни слова.

– Что это за страшила? – смеялся голос рядом.

Я слышала их, но не могла открыть глаза.

– Бро, я не видел шрама, – оправдывался другой, уже знакомый мне голос.

– Ладно, продадим дешевле, – согласился первый.

Я научилась считать в этом безумном, кошмарном сне: ровно до трёх сотен, пока дверь не скрипнет, до двадцати – пока раздаются гулкие шаги, до семидесяти – пока кто-то жарко дышит мне в лицо, до двадцати – пока слышатся шаги и снова скрипит дверь.

Примерно два часа проходит от одного укола до другого, примерно шесть часов – три укола – проходит от одного приёма пищи до другого. Примерно раз в три часа меня выводят из пустой комнаты с матрасом, грубо задирают платье, стягивают белье и усаживают на мокрый ободок унитаза.

Я благодарю своего Бога – не Иисуса или Аллаха – что они не насилюют и не убивают.

Примерно спустя тридцать восемь дней меня переодевают, и мы выдвигаемся в путь.

Мои похитители не стесняются говорить при мне, поэтому я знаю их планы: они рассчитывают перевезти меня через три границы и продать в Турции.

Блаженны неведующие.

Таких слов, по-моему, нет ни в одном писании. Но я искренне убеждена в этом утверждении. Страшно ли мне? До жути! Так, что выворачивает наизнанку. Но я не могу позволить себе сломаться.

Я верю, что мой Бог укажет путь, и я должна быть готова.

Мы едем в душном вагоне со спёртым воздухом.

Похитители постоянно называют меня братом, шутят и баламутят других пассажиров.

На какой-то из станций один из них купил самогон, и они накачиваются. Перед сном они не забывают сделать очередной укол.

Мои похитители крепко спят, а поезд тормозит. В глазах мир уже начинает сужаться до микроскопических размеров. Я знаю – у меня есть примерно четыре с половиной минуты, пока я не потеряю сознание. Половину четверти из которых я уже упустила.

На нетвёрдых ногах я тороплюсь в сторону выхода из вагона и жадно вдыхаю ночной воздух.

– Напьются и выделяются, – шипит мне в след проводница.

Я ухожу от поезда настолько быстро, насколько позволяют скованные от отсутствия движений ноги и помутнённый разум.

Под ярким фонарём на пустой платформе у здания вокзала стоит огромный человек – просто гора мышц и мускулов. Настоящий богатырь. Мужчина дымит себе в бороду и стряхивает пепел на исполинские валенки. Зима, а снега нет. Мы уже на юге. Зачем ему валенки?

Я подхожу к мужчине, чувствуя, что силы покидают меня. Смотрю в его лицо, безразличные жестокие глаза.

– А ну стой! – слышу из окна поезда.

Больше нет сил и возможности тянуть.

– Меня зовут Севиндж, – хрипло говорю я мужчине.

Или мне так кажется.

Бородач непонимающе смотрит на меня, и я пробую ещё раз.

– Меня зовут Севиндж, – его глаза округляются. Слышит! – Меня похитили.

Больше я ничего не запоминаю, потому что действие наркотика, которым меня пичкали каждые два часа, снова начинается. Мне остаётся лишь надеяться, что этот огромный бородач-тый мужчина, который выглядит страшнее похитителей, не бросит в беде молодую девушку.

Глава 2

Он.

Меня словно сам чёрт дёрнул из леса, словно манил своими сладкими речами: «Тихон, езжай на станцию!»

Я затарился провизией, табаком, лекарствами по мелочи, купил водки, само собой, – скоро Новый год – и уже собирался уезжать, как электричку отменили.

Придётся ждать самую раннюю – шесть часов на вокзале!

Подошёл батумский поезд – чудачки, чего тащатся туда в декабре? Я выхожу на платформу и закуриваю.

Бездумно глотаю дым, вдруг вижу щуплого паренька, что идёт в мою сторону, странно перебирая ногами.

Смотрю в его затуманенный взгляд и понимаю – пьяный или обколотый. Сейчас спросит сигаретку и отчалит вместе с поездом. Если успеет – стоянка три минуты.

Он подходит ко мне и шевелит губами. Совсем юнец. Совсем не в себе. Злитесь. Закатывает глаза. Голубые, почти прозрачные, на тонкой белоснежной коже лица.

– Меня зовут Севиндж, – говорит, и я удивляюсь. Ни разу не слышал такого имени.

Но вот он продолжает, и мне не до веселья:

– Меня похитили.

Ребёнок вырубается. Сколько ему – лет шестнадцать? За ним уже бежит кавказец лет тридцати.

– Эй, брат, – кричит он и пытается поднять тело. – Ну напился, ну не вовремя.

Он делает вид, что ничего страшного не произошло, но только парень ему такой же брат, как я – отец.

– погоди, мил человек, – останавливаю жестом я.

– Что? – возмущается он. – Брат напился, а поезд сейчас уйдёт.

– Чем докажешь, что брат?

– Мамой тебе клянусь! – крестится тот, а сам пятится.

Из здания вокзала выходит полицейский. Кавказец пускается бежать. Запрыгивает в свой вагон. Поезд уходит.

– Что у тебя, Тихон? – лениво тянет сержант.

– Отдыхай, – киваю я. – До утра присмотрю, а там видно будет.

Сержант закуривает и ухмыляется:

– Бабу тебе надо, Тихон. Засиделся ты в своём лесу.

– У тебя забыл спросить, – огрызаюсь я, подхватываю на плечо паренька и иду в зал ожидания.

Парень такой лёгкий, несуразный. Без сознания. Спит как убитый.

Скидываю тулуп и накрываю им щуплое тело. Заболеет – возись потом с ним!

К утру мой подопечный всё ещё не приходит в себя. Сержант умоляюще смотрит на меня – не хочет проблем под конец смены, и я снова надеваю тулуп и подхватываю паренька на плечо. Беру сумки, сажусь в последнюю дверь последнего вагона электрички, и мы едем в горы.

На конечной остановке я снова повторяю манипуляции, выхожу и три часа пробираюсь по знакомым тропам.

На цепи возле дома заходится лаем пёс.

– Заткнись, Полкан! – цыкаю я и отпираю ржавый замок.

Укладываю паренька на единственную кровать в единственной комнате, затапливаю печку и думаю, какого лешего творю безумства.

Грею баню, готовлю обед. Моюсь. Парюсь. Тяну время.

В доме жара, а странный гость в беспамятстве, спит беспробудным сном в зимней одежде.

Нехотя стягиваю с него шапку – странные колтуны и шишки на голове, снимаю маленькие, словно игрушечные, ботинки, плотные спортивные штаны. Недобрый знак – паренёк-то в колготках! С сомнением расстёгиваю молнию на олимпийке и чертыхаюсь – под кофтой нет майки или футболки, там миниатюрный белый хлопковый лифчик!

А был ли *мальчик*?

Боюсь ложиться спать рядом с ней. Проснётся – испугается.

Севиндж. Что за имя такое? Странное, не славянское. А внешность – напротив. С удивлением разглядываю её: хрупкая, тонкая, того и гляди – сломается пополам, не починишь. А на шее шрам – откуда? Кто тронуть посмел неженку?

Сразу воспоминания недобрые лезут в голову. Отсекаю их и отворачиваюсь.

Откупориваю бутылку, залпом выпиваю стакан и обедаю.

Больше суток не спал, в сон клонит. Да боюсь гостью упустить – заплутает с испугу в лесу, даже Полкан не отыщет.

Так и сижу за столом, не смея шевельнуться.

Что-то мягкое, невесомое касается моего плеча. Открываю глаза – сумерки в доме. Часов восемь. Утро или вечер?

Гостья моя испуганно смотрит, глаза огромные, что два блюдца.

– Спасибо, – с чувством произносит она.

Её голос охриплый и звучит слишком тихо.

– Спасибо! – она обнимает меня, и от неожиданности я замираю.

Её сердце бьется подобно пташке о прутья клетки. Колибри.

– Спасибо, – шепчет она. – Спасибо! Вы не представляете, что вы для меня сделали.

Она плачет. Её слёзы отпечатываются на моём лице, на шее, пропитывают кофту на плече.

Я осторожно обнимаю её плечи и усаживаю на колени, утешаю, как умею – неуклюже глажу своими огромными ручищами по тонкой спине, боясь причинить вред.

Спустя некоторое время она отстраняется. Спина выпрямляется, лицо заостряется. Она неуверенно улыбается и шепчет:

– Извините.

– Севиндж? Тебя так зовут? – отчего-то так же тихо шепчу я.

– Да, меня зовут Севиндж, – кивает она.

– А я – Тихон. – представляюсь я. – Кушать хочешь?

– Очень.

– Хорошо. Сейчас будем ужинать. Или завтракать. Смотря, какое сейчас время суток.

Она улыбается. Так, словно нашла пятитысячную купюру. Улыбается и не встаёт с моих колен. Потом смущается, подскакивает и тупит взор. Скромная.

Я смотрю на неё, и на душе становится тепло. *Севиндж*.

Глава 3

Она.

В новом месте пахло домом: не моим, где я выросла, не комнатой общежития, но я чувствовала себя в безопасности.

В комнате было тепло, запах смолистых дров, костра и дыма окутывали меня, а ещё здесь пахло берёзами, вкусной пищей и мужчиной.

От постели, от подушки, даже от тонкой простыни, что накрывала мои ноги веяло пряным мускусом.

Я не спешила открывать глаза, оценивая обстановку.

Огромный хозяин этого дома маялся, старался не шуметь. Исчез на некоторое время, снова появился. Снял с меня вещи похитителей. Я замерла от страха, когда он расстегнул кофту и разглядывал моё бельё. Хорошо, что под штанами остались колготки. Я бы со стыда сгорела!

Мужчина деликатно застегнул молнию и задумался. Я боялась того, что может сделать со мной этот огромный человек. Но он не сделал. Пока. Возможно, его тоже отталкивал мой шрам или останавливало бессознательное состояние. Я не знала.

Я наблюдала за ним несколько часов. Мужчина держался поблизости, но вдалеке, устало осматриваясь по сторонам своим хмурым, цепким взглядом. То и дело запускал руку в густую бороду. Смотрел на меня. Много.

Он выходил на улицу на пару минут несколько раз и возвращался, пропахший табаком.

Мужчина сел за стол, выпил с размаху стакан водки и пообедал. Разомлел и заснул. Опустил голову на руки, сложенные на столе, и заснул крепким исполинским сном.

Я открываю глаза и изучаю комнату. Огромная, обычная. Холостяцкая. Я никогда прежде не бывала в гостях и не оставалась в одной комнате с мужчиной. Никогда.

Я разглядываю своего спасителя: во сне его лицо разгладилось, кроме густой поросли волос и не осталось ничего пугающего. Только его массивное туловище, руки-кувалды и ноги-башни. Великан!

Я тихо встаю и повязываю вокруг талии простыню – наподобие длинной юбки, оправляю кофту, скрывая шрам. Зачем, если мужчина уже видел? *Видел не только шрам*, – спохватываюсь я и краснею.

Задумчиво расплетаю косу, что колосится вплотную вокруг моей головы. Волосы запутались, растрепались. Раздираю пальцами спутанные пряди. Бросаю затею и заплетаю тугую косу снова, теперь на одну сторону.

Я хочу помыться, хочу в туалет и очень сильно хочу есть. Но это всё меркнет перед чувством благодарности к этому огромному, похожему на медведя, незнакомцу.

Я даю ему поспать, он, должно быть, тащил меня на руках от самой станции. Высовываю нос из дверей – на улице снежно и морозно, кругом лес, огромная лохматая собака на цепи с любопытством приоткрыла огромные жёлтые глаза и смотрит на меня. Решает, представляю я опасность или нет. Ведёт носом. Зевает со скуки. Закрывает глаза и спит дальше.

Метрах в десяти стоит перекошенная банька, рядом с ней деревянный туалет и сараюшка с дырявыми стенами.

Я нерешительно выхожу из тёплого дома и бегу до туалета. Огромные ели и сосны кажутся мне опасными, как чудовища, тянущие ко мне свои безобразные лапы с длинными острыми когтями. Собака, чувствуя мой страх, подбирается и лениво выбирается из будки. Провожает меня желтоглазым взглядом, деликатно тьякает, когда я плотно прикрываю дверь, радостно виляет хвостом, стоит мне появиться снова.

Бегу до дома, отряхиваю снег с ботинок, открываю тяжёлую дверь и врываюсь в тепло. Дышу на замёрзшие пальцы, снимаю куртку и ботинки и устраиваюсь на краю кровати.

Когда живот начинает болеть от голода, тихо подхожу к столу и пью воду из металлической кружки мелкими глотками. Ледяная вода хоть и вкусная, родниковая, но лишь раздражает стенки желудка, и мой живот недовольно урчит.

Я решаю разбудить хозяина, неудобно есть без его разрешения.

Осторожно кладу ладонь на его плечо могучее, и он, встрепенувшись от моего робкого прикосновения, открывает глаза.

Спросонья он теряется и изумлённо смотрит на меня. Его тёмные глаза с оливковым отливом выглядят пугающе, но почему-то мне не страшно. Хотел бы причинить боль – уже надругался бы, времени было предостаточно.

– Спасибо! – благодарю я.

Я не перестаю это повторять, пока сдерживаемый долгими днями заточения страх не изливается в потоке моих горьких слёз.

Мужчина притягивает меня к себе, и мне кажется, в целом мире нет места безопаснее этого – на его широкой, твёрдой, как гранитная плита, груди.

Внезапно меня поражает осознание того, что воспитанным девушкам не пристало искать утешение в объятиях постороннего мужчины, и я отстраняюсь, скрывая неловкость.

– Извините. – дрожащим голосом говорю ему.

– Севиндж? Тебя так зовут? – шепчет он мне в лицо.

– Да, меня зовут Севиндж.

– А я – Тихон. – говорит мужчина. – Кушать хочешь?

– Очень.

– Хорошо. Сейчас будем ужинать. Или завтракать. Смотря, какое сейчас время суток.

Сейчас вечер, хочу сказать я. Но слова застряли где-то глубоко в горле. Я не могу скрыть улыбки, не могу отвести взгляда от его лица. Вовсе он не пугающий. Он... мужественный, горячий и настоящий.

Понимаю, как нелицеприятно эта картина выглядит со стороны – огромный, взрослый мужчина и маленькая, хрупкая девочка на его коленях, – и торопливо поднимаюсь, пряча глаза.

Глава 4

Он.

Девчоночка жадно набрасывается на еду. Как бы не стошнило. Она такая миниатюрная, ладная. Её щёки наливаются румянцем, глаза благодарно сияют.

– Спасибо, – улыбается она.

– Пожалуйста, – отвечаю.

Мне интересно услышать её историю, но торопить не стану. Сама расскажет, когда будет готова. Единственное, что хочу знать немедленно, это её возраст, о чём и спрашиваю.

– Мне двадцать лет, скоро двадцать один, – она задумчиво считает что-то, – какое сегодня число?

– Двадцать шестое декабря, – отвечаю и зачем-то поясняю. – Новый год скоро.

– Новый год, – шепчет она и закусывает губу.

Думаю, опять сырость разведёт, но она берёт себя в руки и смотрит прямо мне в глаза. Прямо в душу.

– Тихон, а мы ёлку поставим?

Мы?.. Я рассчитывал, что она за пару дней оклемается. Придёт в себя, расскажет мне всё, и я решу, что делать дальше. Смотрю на неё, и как поступить, не знаю.

Девчонка мне в дочери годится, а мысли в голове рождает совсем не отцовские. И вообще... Не нужно мне проблем. Раз её похитили, значит, в розыске давно. Ещё, чего доброго, на меня повесят – кандидатура я подходящая.

– Вы же не выгоните меня? – спрашивает девчонка и кладёт свою маленькую ладошку на мою руку. – Я не могу пока... Пожалуйста.

Зараза! Смотрит на меня своими бездонными глазами, выкорчёвывая сердце плоскогубцами слов.

– Оставайся пока, – рассерженно кидаю, – а там видно будет.

Чувствую, не доведёт до добра моя бесхребетность. Нужно было оставить на вокзале на попечение ментов. Но дело сделано, сидит, вот, на меня смотрит и улыбается. Ладонь с руки не убирает. Словно на зуб пробует границы вседозволенности.

– В лес одна не ходи, заплутаешь. Волки там. Браконьеры. Всякое в лесу случиться может. Тропы все на одно похожи, не туда свернёшь – не смогу найти.

– Хорошо, Тихон, – вздыхает она.

– Помыть тебя надо бы, баню пойду разогрею, остыла уже.

Она краснеет и отводит взгляд. Словно я сам её мыть буду!

Выхожу из дома, тяжело дыша. Дурёха, сама не зная, будит во мне зверя голодного. Давно у меня женщины в руках не было, а в доме – никогда.

Нерешительно замираю за дверью. Нашёл полотенце почище да вещи попримечнее. Не может же она ходить завернутая в простыни.

Стучу. Слышу тихий шорох. Отпирает.

Пугливая. Прижимает к груди простыночку. Даже не думает, что лампа за спиной прекрасно просвечивает то, что надо. И что не надо – тоже.

Хмурюсь.

– На-ка тебе вещи кой-какие, что было. Уж не серчай, женских не водится. Но попробую раздобыть.

– Спасибо, – шепчет она. – Вы очень добры ко мне.

Протягивает руку. Миллиметр за миллиметром белая ткань открывает её молочное тело. Она не замечает. А я делаю вид, что не смотрю.

Берёт из моих рук стопку барахла и быстро закрывает дверь.

Почёсываю бороду, думая, как расположить лежанку на полу – чтобы подальше от неё.

Не хочу испытывать искушение, глядя на изгибы лежащего под одеялом женского тела. Хрупкого, несуразного, без пошлых выпуклостей и соблазнительных объемов, но такого манящего своей невинной красотой, островатыми да угловатыми линиями груди, бедёр, лопаток, с острыми ключицами и коленками и умопомрачительно длинными стройными ногами.

Дьяволица, что свалилась на мою голову, входит в дом и громко стучит башмаками друг об друга, стряхивая налипший снег. Снимает и аккуратно ставит на полку – рядом с моими. Вешает куртку. Еле достаёт до крючка. Приподнимается на кончиках пальцев. Мой свитер для неё, что платье, скрывает худое тело от шеи до колен. Подвёрнутые на несколько оборотов штаны сильно болтаются, так и норовя упасть.

– Спать ляжешь на кровати, – хмуро бросаю я.

Надоело смотреть – только дразнить разум да раззадоривать волю.

– А вы? – испуганно спрашивает, не глядя в глаза.

– А я – на полу, – выдыхаю в бороду. – Мне рано вставать, на обход пойду. А ты спи, из дома носа не кажи. Полкана с привязи сниму, мало ли что в моё отсутствие случиться может.

Она пугается.

– Не бойся, он тебя не тронет. От тебя хозяйским домом пахнет.

– Я не боюсь собаку, – говорит она. – Боюсь, что вы не вернётесь.

– Отчего же я должен не вернуться, – усмехаюсь я в густую бороду. – К обеду буду. Баню сможешь растопить?

– Да, я этому обучена.

Обучена. Ни много, ни мало. Судя по поведению – в церковно-приходской школе, не иначе. Тихая. Воспитанная. Жаль, что с такими вечно приключаются неприятности.

Я расстилаю лежанку и падаю, отворачиваясь. Видеть не могу, как она распутывает свои белоснежные локоны тонкими пальцами.

Она тушит верхний свет и ложится – кровать тихо скрипит под её весом. Лампа на прикроватной тумбе остаётся включённой.

– Тихон, – шепчет она. – Спокойной ночи.

Я прикидываюсь спящим и не отвечаю. Пусть хотя бы у одного в этом доме будет спокойная ночь.

Глава 5

Она.

Я засыпаю быстро, разомлевшая после бани, и просыпаюсь рано, но хозяина уже нет, а его постель скручена и лежит в стороне, чтобы не мешала под ногами в тесном закутке с маленькой кухонькой.

Грею чайник, а сама бегу в туалет и умываться. Полкан весело заигрывает со мной, и я смеюсь.

Изучаю все шкафы и полки, провизии у Тихона много: крупы, макароны, мука, соль и сахар, упаковки с чаем и кофе, тушёнка и рыбные консервы, три мешка картошки, мешок моркови, мешок лука, полмешка свёклы, сушённые грибы, овощи и зелень, сухофрукты, вяленое мясо и рыба, копчёности. В банках стоят соленья, компоты, варенье и мёд. В узком морозильном ларе щедрые запасы мяса, птицы и рыбы.

У меня глаза разбегаются от столь богатого выбора.

Размораживаю куриные бёдрышки, ставлю бульон, а сама кидаюсь убираться. Не знаю, на сколько хватит терпения хозяина дома, но я боюсь возвращаться в город. Хочу показать, что стану ему полезной, что он не пожалеет, позволив мне остаться!

Перебиваю полы, стираю пыль со всех поверхностей, грею воду и замачиваю в металлическом тазу вещи – свои, в которых попала в этот дом, и его, какие лезут под руку и кажутся несвежими.

Драю хозяйственным мылом, растирая пальцы в кровь, развешиваю штаны и кофты во дворе, и в самом конце верёвки, под небольшим навесом у бани прячу своё выстиранное бельё.

Мне непривычно носить одежду на голое тело, в своих глазах я выгляжу чуть ли не вульгарной. Как только растоплю баню, разложу бельё на полке – так быстрее высохнет.

Навариваю суп, тушу курицу с картошкой и добавляю понемногу сушённых овощей и грибов – надеюсь, Тихону понравится обед.

Хлеба нет, как и яиц, как и молока, и я развожу тесто на воде для лепёшек.

Время подходит к полудню. Торопливо растапливаю баню и выкладываю на полку в парилке трусы и бюстгальтер. Жаль, что это единственный комплект, но придётся жить так.

Сколько жить – не понятно. Пока сама не решусь уйти или пока хозяин не погонит прочь. А возможно, дядюшка найдёт меня раньше и заберёт домой.

В университет я не вернусь. Страшно. Не смогу учиться и оглядываться постоянно по сторонам в поисках похитителей.

Я и здесь, в лесной глуши, оглядываюсь – страху натерпелась на всю жизнь. Лучше бы меня выдали замуж, была бы себе хозяйкой за надёжной спиной супруга. А одна – как неприкаянная, незащищённая. Лёгкая мишень.

К часу еда готова, я накрываю кастрюльки покрывалом, чтобы жар не спал до возвращения мужчины, и пеку лепёшки.

К двум обед готов, стол сервирован, вскрыта банка разносолов и вишнёвого компота. Баня протоплена, только успевай дровишки подкидывать.

Я изучаю книжную полку, беру первую попавшуюся книгу – Марк Твен, и начинаю в скуке листать. Между пожелтевших страниц сокрыто от чужих глаз потёртое фото; на нём – три товарища в военной форме.

С трудом узнаю в молодом парне Тихона, второй – чуть старше, но похож на него, третий – такой же юнец, рыжеволосый, с весёлой улыбкой.

Смотрю на Тихона. Сейчас он совсем другой: грубый взгляд, губы спрятаны в жёсткой поросли, и не понятно, улыбается он или нет. На фото его губы растянуты в улыбке, глаза с лихим прищуром. Но видно, что человек он добрый и открытый. Был. А сейчас – я не знаю.

Я ставлю книгу с фотографией на место и ложусь на кровать. Думаю, куда пропал Тихон? Время обеда уже наступило. На минутку прикрываю глаза.

Просыпаюсь в кромешной темноте. Дом стынет, нужно растопить печь.

Тихон не вернулся? Или не стал меня будить?

Зажигаю свет, выкладываю в печь дрова и разжигаю.

Полкан на улице заходится в лае, и я выдыхаю спокойнее – хозяин вернулся.

Но Полкан не успокаивается, его истошный лай вызывает у меня приступ паники. Я хочу убежать, скрыться, но знаю, что, кроме тяжёлой двери без замка и тёмного леса вокруг, у меня нет убежища и укрытия. И в лес Тихон ходить не велел.

– Ш-ша, – протяжно кричит голос на пса, – дружище, ты чего изводишься?

Полкан скулит, разрываясь от противоречивых чувств: и человек худо-бедно знакомый, и меня велено охранять.

Я осторожно высовываю голову из двери и вижу мужчину с огромным рюкзаком, в телогрейке и шапке-ушанке. При виде меня на его лице, покрытом аккуратной рыжей бородой, расцветает улыбка. Передо мной третий парень с фото.

Глава 6

Он.

Спозаранку выдвигаюсь в путь. Из-за неожиданной гостыи придётся делать крюк в лишних семь километров, обратно на станцию.

Обхожу уголья, примечая чужие следы и звериные тропы.

К десяти – уже на станции.

Сразу стучу в дверь к Наталье, она сама отыщет всё, что необходимо. Так уж у нас годами заведено, что с каждого заказчика смотритель захаживает к Наталье – передохнуть, расслабиться, оттянуться в постели с охочей до мужской плоти развратницы, плотно поесть да разжиться необходимым.

– Здравствуй, Тихон, – улыбается женщина, распахнув настежь двери. – Не ждала я тебя так рано.

– Здравствуй, Наталья, гости у меня, не хочу надолго в глуши оставлять, – поясняю.

– Гости? – удивляется. – Это кто ж такой смелый, чтобы к самому Тихону наведаться?

Я молчу, закрывая тему.

Она всё понимает. Привыкла с угрюмыми мужиками дело иметь: не расшаркиваемся, не ласкаем. Лишь плотские утехы предоставляем. Грех во грехе.

Ведёт в кухню, накладывает целую тарелку жратвы и огромный ломоть хлеба. Пока жую, рассказывает последние новости. Наливает кофе покрепче, знает, чего я люблю, и вздыхает:

– Ох, Тихон, а меня ты в гости не зовёшь.

– Никого не зову, – огрызаюсь я. – А то ты мало по избушкам гостишь!

– Так то не твои, – усмехается она порочно.

– А в моей и без тебя тесно, – бросаю. – Ты мне лучше, Наталья, скажи вот что: у тебя же вроде дочь была?

– Почему была? – удивляется. – Есть, в городе, замужем.

– А вещи остались какие-нибудь? Не очень большого размера?

– А тебе зачем? – любопытничает.

– Спрашиваю, значит, *за надом*.

– Само собой, – кивает. – удовлетвори любопытство, а?

– Говорю же – гости у меня, сумку у них в поезде увели. Мужской одежды у меня есть по малости, а вот женской – отродясь не водилось. А девчужка тонет в моей одежке.

Наталья бросает на меня удивлённый взгляд с примесью ревности.

– Размер знаешь?

– На глаз подберу, – киваю женщине.

Возле шкафа теряюсь. Надо бы девчонку в город свозить да новых тряпок купить, пусть сама бы и выбрала. Одёргиваю свои мысли – девчонку нужно домой отправлять и не думать о глупых нарядах.

– Что предложить тебе, Тихон?

– Откуда я знаю, что вам, бабам, надо?

Она усмехается и начинает доставать шмотки. Коротко оцениваю размер и складываю в кучу, что должно подойти. Хватаю, почти не глядя.

– Бельё? Колготки? Верхняя одежда? Обувь? – спрашивает Наталья.

– Да, говорю же, ничего нет.

– Чистое, но пару раз одёванное, – выкладывает она стопку трусов и пару лифчиков. – Подойдёт?

Смотрит, лиса окаянная, на мою реакцию.

А бельё совсем не как у моей девчушки, не простое, хлопковое, не закрытое. Почти всё – в кружевах да блёстках. Даже лоб испариной покрылся от тяжёлых фантазий.

– Подойдёт, – бросаю в ответ. – А нет, так назад всё верну, не переживай.

– Что-то ещё нужно? – спрашивает, пока я вещи в рюкзак складываю.

– Средства гигиены, – морщась бросаю. – Сама постесняется сказать, но может понадобится.

– Хорошо, выдам, – кивает Наталья и протягивает несколько цветных упаковок. – Ещё что-нибудь?

– Да, молоко, яйца, сыр, творог и хлеб. Пошурши по бабам, пожалуйста. А если раздобудешь бутылочку шампанского к моему столу, то сполна отблагодарю!

– Сколько тебя знаю, Тихон, первый раз о подобном просишь, – не выдерживает женщина.

– Говорю же, гости у меня, – закатываю глаза. – Не доставай.

– Хорошо, хорошо, – поспешно кивает она. – Раздевайся, иди в душ, а я быстро всё соберу.

– Спасибо за понимание, – усмехаюсь я и иду привести себя в порядок.

Натальи нет с полчаса, что мне на руку. Достая из глубины рюкзака телефон и с горем пополам ловлю слабый сигнал. Игнорирую сообщения и уведомления о звонках. Меня интересует только одно – любое упоминание в сети о пропаже девушки по имени Севиндж.

Поражаюсь до глубины души, когда не нахожу. Получается, её и не ищет никто? Или... Она солгала.

Думаю, обдумываю, не знаю, как поступить.

Телефон разрывается от входящего вызова.

– Да, – бросаю я в трубку. – Нет, Глеб Борисович, я не планирую возвращаться в ближайшее время. Бумаги? Шлите до востребования на тот же адрес. Подпишу и отправлю экспресс-доставкой. Спасибо. И, Глеб Борисович, могу я вас попросить о личном одолжении?

Коротко обрисовываю ситуацию и прощаюсь.

Едва успеваю убрать телефон, как возвращается Наталья с огромной сумкой свежей молочки и хлеба. Довольный, вижу, что и бутылка торчит пузатая.

– Расстаралась я для тебя, Тихон, – усмехается она, словно ждёт одобрения.

– Ну ступай в душ, – киваю я.

Мне не требуется много времени, чтобы завестись. Какой там! Кажется, я был заведён с того самого мгновения, как увидел худосочное тело девчушки на своей кровати, когда раздевал её и...

Наталья раскатывает умелым движением презерватив по всей длине и хочет пристроиться сверху.

– Прости, Наталья, – бросаю я. – Сегодня я возьму тебя сзади.

Женщина быстро принимает нужную позу и громко стонет, позволяя мне грубо и безостановочно врезаться в своё влагилице. Со злостью я опустошаюсь, понимая, что ничуть не расслабился, и валюсь на кровать.

– Через полчаса меня подними, – бросаю я женщине и отрубаясь.

Просыпаясь, не могу понять, что не так. Смотрю на часы – начало третьего.

– Чёрт! – рычу я, спешно собираясь.

Наталья заснула рядом со мной, и мне противно. Знает ведь – я не сплю с женщинами. Только трахаю.

– Прости, Тихон, утомилась, просмотрела, – оправдывается женщина.

– Да что ж с тобой сделаешь, – рычу я, а сам мыслями уношусь домой.

Заждалась меня девчоночка. Как бы не перепугалась, что бросил её, и в лес не ушла.

– Заходи в гости, Тихон! – бросает на прощание Наталья.

– Будет время, зайду. Как всегда.

Она тепло смотрит на меня, надеется, зараза, что однажды позову её с собой. Не осуществимо.

Домой я практически бегу, зимние сумерки упрямо покрывают землю, и сердце моё не на месте.

Ещё издали слышу, как Полкан скулит под дверью, бросаю вещи в снег и распахиваю дверь. Но даже самые худшие мои опасения оказываются лучше действительности.

Глава 7

Она.

Я неуверенно улыбаюсь рыжему.

– Здравствуйте, хозяйка, – удивляется тот. – Вот уж чего не ожидал, того не ожидал.

– Здравствуйте, – рассеяно отвечаю, не зная, что говорить и нужно ли. – Вы к Тихону?

– Конечно, милая девушка, – он смеётся, – приехал на праздники к другу, чтобы не заскучал, а он, смотрю, и не скучает! В дом пригласите?

– Заходите, – ахаю я. – Вы же устали с дороги!

Суечусь, разогреваю обед, который превращается в ужин, и попутно слушаю гостя. Хотя... Какого гостя? Мы оба тут гости в ожидании хозяина.

– Меня Виктор зовут, а вас?

– Меня зовут Севиндж.

– Красивое имя. Откуда ты?

Я теряюсь. Сказать правду? Боязно. Я же совсем его не знаю.

– Из Москвы, – отвечаю по последнему месту пребывания.

– Ого, – присвистывает он. – Далек тебя занесло. И когда Тихон в Москву за таким сокровищем успел сгонять?

Я вежливо улыбаюсь, но вопрос игнорирую.

– Вы кушайте, а то стынет. Сегодня холоднее в доме, не успеваю печь топить.

– Тихон на обходе?

– Да.

– Ну не скоро ещё придёт, – усмехается рыжий, и мне чудится, что недобро осматривает меня.

– Обещал к обеду вернуться, – говорю, – видимо, задержаться пришлось.

– Видимо, – соглашается со мной и налегает на еду.

А ещё больше – на выпивку. Я догадываюсь, что и по пути согрелся.

– Расскажи-ка, хозяйюшка, зачем подалась из шумного города в лес глухой?

– Я погостить приехала, на праздник, – вру я. Впервые в жизни!

– Молодец. – хвалит, глядя масляными глазами. – Тихон стоит того, чтобы приехать за ним в глушь. Прыткая ты девчужка, я вижу.

– Я не понимаю, о чём вы.

– Да не строй из себя дуру! Не понимает! – он смеётся. – Хлопаете тут все глазами, изображая невинность, а на самих пробы негде поставить.

– Вы устали с дороги, – твержу я, – нам лучше прекратить разговор. Мне не нравятся ваши намёки.

И откуда силы взялись перечить взрослому мужчине? Где воспитание? Но я отталкиваю непрошенные мысли из головы, знаю, что в случае чего не справлюсь с таким бугаем.

– Извините, девушка, я малость перебрал. Не хочу злить Тихона, прилягу пока, и всё останется между нами, договорились?

– Хорошо, – с облегчением выдыхаю я.

Он заваливается на постель прямо поверх покрывала, а я становлюсь мыть посуду: заливаю её кипятком из чайника, наполняю и ставлю на электрическую плиту свежий. Водопровода в доме нет, как и газа. Хорошо ещё, что электричество подведено!

За весёлым шкварчанием чайника я не слышу других звуков.

Не слышу, что гость прекратил сопеть в подушку, что старая кровать легонько скрипнула, не слышу звука шагов по древним половицам.

Выключаю чайник.

Внезапно меня сбивает с ног нечто безумное, тяжёлое и неуправляемое. На лице рыжеволосого мужчины больше нет доброй улыбки, теперь там скорее – хищный оскал. Злой, искорёженный, вгоняющий в тоску смертную. Тоску о несбывшихся надеждах и порушенных планах. Тоску о моей жизни.

Я кричу и пытаюсь выкарабкаться из-под его тяжести, но терплю поражение. На улице безумствует Полкан. Хочет прекратить насилие жестокое, да только нет у пса рук, чтобы дверь отворить тяжёлую.

Виктор тяжело дышит и всё сильнее вжимается в моё тело, шарит одной рукой, свитер задрать пытается. Дотянуться до груди жаждет и сорвать грубой лаской целомудрие.

Тоненько подвываю, вторя Полкану, когда жёсткая рука накрывает мою голую грудь. Стыдно, страшно и противно. Почему мне так не везёт? Чем я Бога своего прогневала? Свято верила, не гуляла, берегла себя для мужа, нарядов вызывающих не носила – а словно меткой Его отмечена все беды с лихвой за срок короткий испытать.

А рука скользит, словно змея мерзкая, липким страхом меня опутывая, всё дальше, ниже. Знаю, чего хочет. Стянет с лёгкостью штаны хозяйские. Больше преграды никакой не будет, лишь одна – плёнка тонкая, сокрытая внутри моего тела.

Рука тянет по коже грубую ткань, и я захожусь в рыданиях. Не так я думала случится: если не по любви, то по достоинству и большому уважению. Не случайно. Не насильно!

Дверь о стену ударяется. С силой яростной, такой, что щепки летят. Ураган налетает на моего мучителя. Тёмный и страшный. Ошалелый. Одичавший в миг, стоило картину жестокости в своём доме увидеть.

Я закрываю глаза и плачу. Тихо, почти неслышно. Пока весь мир вокруг громыкает, пока звенит посуда. Пока шум не стихает.

Чувствую прикосновения невесомые: тело моё прикрывают руки заботливые, горячие и безопасные. Берут меня и с пола отрывают. Как пушинку. Словно и не вешу ни грамма.

А, может, и не вешу. Может, умерла со страху. Может, лишь душа моя плачет над остывающим телом.

Боюсь глаза открывать и проверять.

Глава 8

Он.

Всего один миг – оценить обстановку. Секунда. И вспышка ярости охватывает всего меня.

Вижу Витюшу, друга армейского, почти брата. Под ним навзничь лежит девчушка. Просит, умоляет, извивается. Слезы градом катятся.

Свитер мой, что платье заменял, задран, на шее скомкан. Грудь оголённая взору моему представлена. Маленькая, нежная – в огромных руках обезумевшего друга.

Штаны приспущены. На ней. На нём, слава Богу, на месте. Его счастье.

Знаю, что не со зла. Что бесы вселяются в Витюшу, похлеще моих. Каждый, кто войну прошёл, вернулся израненным, гнилым внутри, с мрачной, тёмной, мёртвой душой.

Но даже знания мои не находят оправдание тому, что пред глазами разыгрывается. На святое покусился. На моё!

Грозный рык с губ срывается, и больше нет угрюмого Тихона, есть дикий зверь, что в бой на друга кидается, чтобы собственность свою отстаивать и честь девчушки защищать.

Не без труда скручиваю наглеца, в мой дом вторгшегося. Туго стягиваю руки и ноги ремнём кожаным, широким. И над девчушкой склоняюсь.

Стараюсь не дотронуться невзначай. Стараюсь не смотреть, но не могу себя пересилить и отвести взгляда. Прикрываю тело меня искушающее, к себе манящее, выгоняю из мыслей порочное желание коснуться тугих малиновых бусин на её жемчужной груди, запустить пальцы в дивную поросль, скрывающую её сокровенную плоть. Не время. Ни сейчас и никогда!

Поднимаю девчушку с пола и укладываю на кровать, под два одеяла. Чтобы согрелась скорее и перестала трястись. Знаю, что не поможет, что ужас этот только память перебороть сможет, но всё равно надёжно укутываю, оставляя только лицо.

Подхватываю Витюшу, ватное одеяло и тулуп и иду в баню. Пристраиваю гостя на широкой полке на ночь. Вдруг вижу гости неожиданной вещички приметные возле печки сушатся. Сгребаю находку в карман. Такое ни для чьих глаз не предназначено.

Запираю замок на двери, сумки собираю, в спешке брошенные, и вваливаюсь в дом.

Девчушка от шума сжимается. Сажусь на край кровати, успокоить хочу. Да как? Говорю правду:

– Ты не сердчай на Витьку, не со зла он. Не хотел обидеть. На войне мы были совсем ребятами, всякого повидали. Контузило его, вот и перемыкает в голове: словно он – и не он вовсе становится. Испугал он тебя, знаю, сильно. Непростительно. Но, главное, что я поспел вовремя. Жизнь всё перемелет. Пить ему нельзя совсем, только иногда невозможно иначе. У кого руки в крови по локоть вымазаны – сами себе враги.

Она поворачивается и льнёт ко мне всем маленьким телом, что котёнок к хозяину.

– Он не тронет меня больше? – спрашивает.

– Не позволю, – обещаю я. – Погостит пару дней и домой отправится. А я тебя ни на секунду из виду не выпущу, пока он в гостях.

Она устраивается головой на моих ногах, чуть выше колен. В опасной близости к напряжённой горячей плоти. Взведённому оружию. На натянутой до предела тетиве. Нацеленному на неё.

Она начинает посапывать, будто не знает, что кровь моя дурная к самому концу прилила и просит оттока. Хотя и не знает. Я же молчать буду, а она слишком невинна, чтобы заметить. Спасения ищет в моих руках. Утешения.

Так и сижу, боясь шевельнуться, лишь беззвучно опускаю спину на изголовье кровати и блаженно прикрываю глаза.

Утром, чуть тусклый свет ударяет в окно, встаю и прибираю беспорядок. В доме подозрительно чисто. Еда наготовленная на плите. Девчушка времени зря не теряла. Меня порадовать пыталась.

Злюсь на себя, что задержался у Натальи. Нужно было сразу выходить, а не дрыхнуть лишние два часа. Тогда бы и гостя сам встретил. Тогда бы и не случилось ничего.

Иду в баню, Витька у входа жмётся.

– Ну привет, друг! – зло бросаю.

– Хорошо же ты меня встретил, в бане на ночь морозную бросил.

– Скажи спасибо, что не прибил. – огрызаюсь. – Ты чего учудил? Хозяюшку, что стол тебе накрыла, чуть не обесчестил?

– Твою мать! – кричит и за голову хватается. – Выпил малость, а разум затуманило. Прости, брат. На коленях прощение просить стану, если придётся! Знаешь же, какой дурной становлюсь от водки.

– Так и не пей. Не здесь. – отрезаю. – Не при ней. Испугал мне девочку, ужасу натерпелась – на всю жизнь хватит.

– Прости, Тихон, – отвечает понуро. – Ни капли! Обещаю. Ты меня знаешь, слово держать умею.

– Знаю, поэтому на первый раз прощаю. Прощаю, но не забываю. Не сдержишь слово, не посмотрю, что ты мне братом считаешься.

– Понял, – дружелюбно бросает и расплывается в улыбке. – Твоё сокровище не трогать. Чай, не дурак.

Моё. Да не моё. Хоть и мысли шальные в голову лезут. Забрать девчушку и семенем своим пометить. Чтобы только мой запах признавала.

Но не бывать этому. От всего я отказался в своей жизни, чтобы найти и отомстить убийце брата. И слово сдержу.

Мы садимся за стол и тихо переговариваемся. Витюша рассказывает о делах в своей жизни и в конторе, намекает, что заждались моего возвращения.

– Сколько можно по лесу партизанить, Тихон? Двадцать лет прошло. Он уж помер наверно. И так немолодым был.

– Знаю, что жив, гад. – Отрезаю. – Не твоя это война. Моя. Доведу дело до конца и вернусь.

– Ты сошёл с ума, сидя в этой избушке на горе. Мир давно изменился. Подумай, кому и за что ты мстишь?

– Я всё помню, – скриплю зубами. – Не заводи старую, покрытую мхом и пылью, пластинку.

Завожусь с пол-оборота. В глубине души знаю, что Витюша прав, но не могу иначе. Тяжёлые думы разрубает скрип кровати. И он же завершает разговор.

– Доброе утро, – шелестит девчушка и надевает тулуп с ботинками.

Следую за ней по пятам.

– Как ты?

– Всё хорошо, – улыбается она.

Подхожу к ней вплотную. Не могу устоять. Обхватываю огромной ладонью фарфоровое личико и внимательно изучаю склонившись.

– Всё хорошо, – повторяет она. – Честно.

– Хорошо, – шумно выдыхаю.

Нехотя оставляю её заниматься утренними делами и возвращаюсь в дом.

– Крепко она проникла под кожу, да, Тихон? – присвистывает друг. – У меня наконец появилась надежда, что ты вернёшься домой. Негоже молодую невесту в лесу прятать.

– Ты скоро договоришься, – беззлобно кидаю другу.

И неожиданно смеюсь. Лёгкость на душе – не к добру. Моя жизнь не создана для лёгкости.

Девчушка возвращается и молчаливо садится за стол.

Я выкладываю деревенские гостинцы перед ней.

– Это для тебя, ешь.

– Спасибо, Тихон. Вы очень добры ко мне.

Витюша присвистывает.

– Хозяюшка, вы всегда к Тихону на «вы» или в присутствии посторонних?

Болван. Косяк на косяке. Забыл, что обещал не донимать девчонку. И не извинился!

– Только при посторонних, – закрываю тему и обращаюсь к девчушке. – Виктор мне почти родственник, отбрось «выканье». И к нему тоже.

– Хорошо, – шелестит и прячет глаза.

Накладывает, как птичка, горстку творога и поливает мёдом.

– Надо бы шашлык замариновать, есть у тебя рёбра или шея? – спрашивает гость.

– Сейчас достану размораживать, – киваю, – к ужину пожарим свинины.

– Я не ем свинину, – слышу её голос.

Смотрю удивлённо, и она спешит оправдаться.

– Ничего страшного, я вчерашнюю курицу буду есть. Я легко могу вообще без мяса. Не берите в голову.

Оставляю все вопросы на потом и приступаю к завтраку.

Когда Витька выходит покурить, выставляю у кровати сумку с вещами.

– Вот, это тебе. Кое-чего по мелочи раздобыл. – смущаюсь отчего-то.

Она подходит, трусливо открывает сумку и внимательно разглядывает вещи. Достаяю из кармана её бельё из бани и кладу сверху.

– Забыла, – сохраняю равнодушный тон всеми силами.

– Спасибо, – шелестит она и поспешно накрывает рукой своё добро. – Извините, я больше так не буду.

Глава 9

Она.

Боже, мне так стыдно, что я готова провалиться сквозь землю. Желательно, прямо сейчас!

Этот мужчина раздевал меня в первый день, видел моё тело – видел моё голое тело! Видел, как его друг в беспомощности шарит руками по моему телу! Теперь он ещё и касался моего белья. А ещё он дважды меня спас. И я спала на его коленях. И он держал меня на руках. И он утешал меня. И я сидела у него на коленях. И он держал моё лицо в руках своих огромных. Бережно. Как нечто ценное.

Голова идёт кругом. От всех этих событий. Или от его близости. Не знаю.

В бессознательном состоянии беру первую попавшуюся вещь и перевожу взгляд. Тяжело сглатываю. У меня в руках крошечные полупрозрачные трусики.

Краснею от одной мысли, что когда-либо смогу такие надеть. Горю от мысли, что когда-либо позволю кому-то такие с меня снять. Или свои. Разницы нет особой. Рано или поздно это случится. Возможно, даже быстрее, чем мне кажется. Или лучше никогда.

Как во сне смотрю на стопку нижнего белья и поспешно откладываю в сторону. Не могу перебирать у него на глазах. Стыдно.

Туда же спешно летят пачки прокладок. Очень заботливо с его стороны. Не ожидала.

Достаю наряды, не разглядывая. Знаю, что не всё смогу надеть. Но мне приятна эта неожиданная забота огромного мужчины.

– Вещи очень красивые, спасибо, – смотрю на него. – Вы очень добры ко мне. Я благодарна вам за заботу.

– Насчёт «выканья» я говорил серьёзно. – Он касается моего лица. Снова.

Взгляд пробирает до костей, вызывая дрожь по телу. От его огромных горячих ладоней всё внутри меня напрягается. Никогда прежде я не испытывала такого.

Я чувствую, что что-то происходит со мной, с моим телом. Меняется, перестраивается. Внутри меня концентрируется энергия. Тёмная, пугающая, вызывающая такие желания, которые я никогда не пыталась познать.

Высекает. Делает зарубки. Ставит пометки.

Между нами сквозит всё это. Я чувствую.

Электричество. Тепло. Искры. Химия.

Только от того, что Тихон бережно держит в руках моё лицо. Гладит неосознанно пальцами кожу тонкую.

Его пальцы толстые и грубой кожей покрытые. Привыкшие к тяжёлой работе. Но сейчас они порхают по щекам и скулам, что крылья бабочки. Почти не заметно.

Если бы не напряжение внутри меня, я бы и не заметила. Так и думала бы, что ладонь лежит себе спокойно на лице моём.

Я кладу руку на его широкую стальную грудь. Он жадно хватая ртом воздух и ко мне приближается. Медленно. Склоняется. На лице – смещение. И что-то ещё. Мне незнакомое.

Его руки скользят, впиваются в кожу на шее. Ложатся поверх шрама. Обводят узор безобразный по контуру.

Смотрит на меня, словно прочесть пытается. В душу самую заглядывает. Черпает ложкой сироп из моих чувств. А я задыхаюсь от его близости. Никогда не стояла так близко к мужчине, что плоть его вздыбленная едва ли не в живот мне упирается.

Тихон пышет жаром. Излучает его. Обволакивает. Покрывает всё вокруг. И тело моё, и душу. Но меня трясёт, как от холода.

Делаю шаг вперёд. Крохотный. Незаметный.

Ощущаю мощь органа детородного, как из камня высеченного. Прямо своим напряжённым животом. Пламя внутри разгорается, незнакомое, пугающее. Стыжусь своих чувств. Познать пытаюсь. Понять.

Благодарность? Нечто большее. Не приучена я к такому. Благодарность в словах проявляется. Я же иного хочу. Тело требует. Всегда молчало, а теперь – словно своей жизнью зажило, и меня не слушает.

Встаю на цыпочки. Боюсь, что оттолкнёт. Грудь его поднимается и опадает со скоростью бешеной. Сердце, того и гляди, выскочит. И моё – его сердцу вторит.

Глажу бороду. Облизываю пересохшие от чего-то губы. Он рычит утробно. Словно зверь огромный. Голодный. Отказа не знающий.

Накрывает мои губы своими. Грубо. Беспощадно. Язык врывается в мой рот. Дурманит. Заставляет забыть своё имя. Выжигает в памяти новые воспоминания. Навсегда с ним одним связанные.

Руки мужчины обвивают моё хрупкое тело. И невозможно понять, где кончаюсь я, а начинается он сам.

Пальцы шершавые гладят моё лицо, шею, ключицы. Гореть заставляют. Я краснею. Касается голой кожи. За талию тянет к себе навстречу. Трётся в безумстве ласк. Огромным твёрдым стволем. Пошло? Не так воспитана? Разве нас не такими создал Бог? Не для этого?

Разве не самое естественное желание – продолжить род с сильным, здоровым мужчиной?

Рука его скользит вверх. Накрывает грудь напряжённую. Срывает быстрые ласки. Грубо тянет, скручивает одеревеневшие вершины. Тут же гладит. Чувственно. Невесомо. Между пальцами перекатывает. И снова грубо щиплет. Заставляет стонать в его жаркий рот. И я стону. И я тянусь навстречу его рукам.

Чувствую напряжение внутри небывалое. Словно невидимые струны души до предела натянуты.

Руку запускает в мою промежность. Гладит сквозь ткань. Другая рука скользит по груди. И я не знаю, как спрятаться от этих чувств, что лавиной обжигающей накатывают. Порабощают.

Подаюсь навстречу ласкам. Он рычит в мои губы, терзает их. И руками быстрее работает. – Давай, – шепчет. – Хочу увидеть, как ты кончаешь от моих рук. Сделай это, девочка!

Не выдерживает. Опускает руку за резинку штанов, касается моей горячей мягкой плоти. Пальцами своими трогает складки, которых я всегда стеснялась касаться. Находит набухшую бусину. Тугую. Воспалённую. И высекает из неё умелыми движениями опьяняющее удовольствие.

Падаю ему на грудь. Глаза поднять не смею. Стыдно.

Тихон прижимает меня к себе, достаёт руку и обсасывает пальцы.

– Вкусная, – шепчет он. – Жаль, что гость у нас.

Его голос наполнен обещаниями. Глаза горят. Укладывает меня на постель. Накрывает одеялом. Покрывает поцелуями моё лицо.

– Отдохни, – говорит. – Я гостя пока развлеку. Отдохни, переодевайся. И ёлку наряжать будем.

Улыбаюсь благодарно. Засыпаю. Обессиленная.

Глава 10

Он.

Мои пальцы пахнут ею. Девчоночкой. Сам не заметил, как простой разговор перерос в ласки откровенные.

Вот так просто. Касаться. Разжигать желание. Ласкать ради удовольствия. Давно со мной такого не случилось.

Плоть моя колом вздыблена. Требуется выхода энергии. Требуется жарких прикосновений. Требуется проникнуть в горячее мягкое лоно, что так сладко на вкус.

Мозг, что расплавленный воск. Одно в голове – мысль воспалённая о теле, отзывчивом на ласки. Как вспомню глаза её, затуманенные от удовольствия, стоны, что в меня изливались с её сладких губ, так ничего и не надо больше.

Запереться с ней в доме и любить, пока не наступит конец света.

Закрываю глаза и вижу, как пронзаю нежную плоть своим агрегатом, как заставляю в беспамятстве кричать моё имя.

Выхожу из дома и закуриваю.

Витюша возле бани с Полканом возится. Смотрит с интересом.

– Сейчас, Витюша, за ёлкой пойдём. – говорю. – Хозяюшка наказала самую лучшую из лесу принести.

– Ещё лучше, значит, найти надо, – смеётся друг.

Ухмыляюсь. Лучше лучшего – это по мне задача.

Отправляемся на поиски. Идём тропами неспешно. Разговоры разговариваем.

– Летом договор заканчивается, – говорю. – Устал я. Передохнуть пора.

Витюша руки довольно потирает.

– Правильно, Тихон. Бери хозяйюшку и на море вези. А осенью – в Москву. Засиделся ты, брат, в лесу. Пора жить начинать.

Киваю согласно. Пора.

Возвращаемся к обеду.

Лучшую ёлку со всего лесу срубили.

Девчоночка в платье из обновок. Румяная, что яблочко наливное. Возле плиты вертится. Еду греет. Мясо размораживать поставила. Свинину на шашлыки. А я и позабыл совсем.

Улыбается довольно. Краснеет, глядя на меня. Но взгляд не отводит. Вижу в её глазах озорство лукавое. Как напоминание о том, что меня ждёт, стоит только наедине остаться.

Подхожу к ней. Целую мимоходом. Трогаю украдкой.

– Чем помочь? – спрашиваю.

– Я уже всё сделала, – улыбается. – За стол садитесь, обед подам.

Ест мало. Ну точно – котёнок. Маленький. Ласковый. Так и ластится ко мне поближе.

Витюша смотрит со стороны и улыбается. Давно такого спокойствия в моих глазах не видел.

Ставим ёлку, девчоночка на табурет становится и вешает завалившиеся от каких-то прошлых зрителей огоньки да игрушки. Я коршуном рядом увиваюсь. Зорко гляжу, чтобы не свалилась ненароком.

Витюша байки травит, что девчонка заливается. Смеётся. Позабыла рядом со мной об опасениях. Смотрю на её улыбку и хочу, чтобы никогда больше не затухала. Чтобы слёз горечи она больше не знала.

Тянется неловко к макушке ели. Стул пошатывается. Не выдерживаю. На руки её подхватываю, помогаю.

– Спасибо, – шепчет она мне в ухо.

Жаром обдаёт от самого сердца чёрствого до кончиков пальцев.

Касается руками моего лица. Гладит ласково.

– Ну, пойдём, Тихон, шашлык жарить, – кричит Витюша.

Чтоб тебя!

Нехотя оставляю девушку. И табурет подальше от ёлки убираю.

Смеётся. Подбегает ко мне и на цыпочки встаёт. Руки на шею мою закидывает и целует.

Быстро, неумело. Сладко. Так, что хочется Витюшу прямо сейчас с горы спустить.

– Иди, Тихон, – шепчет мне в губы, – и я подышать выйду. Только оденусь потеплее.

И выходит. Бегаёт с Полканом, ошалевшим от количества гостей и перепавших нежностей. Разыгрался защитник. В снег её валит, и я замираю. Пока не слышу её счастливый, залистый смех.

– Нельзя ей в лесу жить, Тихон, – вздыхает Витюша. – Ты целыми днями по горам блуждаешь.

– Не дави, – рыкаю. – Без тебя тошно. Одно воспоминание о твоём приезде чего стоит.

– Знал бы, всё по-другому могло сложиться. Но ты ж молчишь, и связи нет.

– Да, – вздыхаю. – Замок нужно покрепче, на первое время хватит. А там – защищаться обучу. Глядишь, и лето наступит.

– Куда такую хрупкую – и защищаться? – удивляется друг. – Она же совсем малышка. Если только ружьё.

– Скажешь тоже – ружьё! – усмехаюсь. – Подумаю на досуге. Непутёвая она, Витюша. Все беды притягиваются, как магнитом. И в лесу не спрячешь, и в городе – покоя не будет.

– Ну ничего, в Москве попроще будет. – успокаивает. – Возможности есть.

– Не знаю, – вздыхаю, – жизнь покажет.

Я так далеко не смотрю. Отвык. После войны как? Проснулся – надо жить. Сегодня. А завтра – неизвестно, наступит ли утро, взойдёт ли солнце?

Бросаю взгляд на девчоночку. Обнимает лохматую шею Полкана и хохочет. Вдруг на меня смотрит. Внимательно. Серьёзно. Улыбается неуверенно. И я отгаиваю. Посылаю ей улыбку в ответ. Дожить бы до лета.

Глава 11

Она.

Я счастлива. Я парю. Возношусь над телом и ныряю обратно.

Впервые чувствую себя желанной. Под пылкими взглядами Тихона я распалюсь. А он и рад, и глаз с меня не сводит.

Касается, будто не нарочно. То руку погладит, то лицо, то волосы, то бедро. Целует своими быстрыми пламенными поцелуями. И я таю. Превращаюсь в желе.

Вспоминается, как страшный сон, вся моя жизнь, что была до этого леса. Здесь я очнулась и стала жить. Здесь моё сердце начало впервые биться. До этого дома я блуждала в тумане в поисках дороги.

Три дня – а словно вся жизнь.

Мужчины вспоминают молодость и много смеются. Мясо едят. А я кладу голову на ладони и слушаю.

– А вы, хозяйюшка, почему шашлык не едите? – спрашивает Виктор.

Смотрит внимательно. Я стараюсь виду не подать, как меня пугает его близость. Бог велел прощать. Тем более, что он болен. Тем более, что не случилось ничего. Тихон прав. Держать зло на человека не в себе – всё равно, что злиться на ребёнка.

– В моей семье свинину не ели, – уйду от темы.

– А почему, если не секрет? – не успокаивается тот.

– Я воспитывалась в мусульманской семье, – отвечаю. Смотрю открыто. Мне нечего скрывать. – Когда с рождения запрещено, ничего другого и не знаешь.

– Вот те на! – присвистывает. – Так вы тоже из этих?

Бросаю взгляд на Тихона. Он смотрит прямо перед собой и будто не дышит.

– Нет, меня не обращали ни в какую религию. Я верю в единого Бога, что над всеми нами властен. Этой веры не объемлет ни одно учение.

Отвожу взгляд. Не все понять могут. Никогда не говорила об этом вслух. Как-то неловко даже.

– Простите, – говорю и встаю. – Покину вас ненадолго.

Накидываю куртку и башмаки и бегу в туалет. После – в бане скрываюсь, растапливаю. Хочу ополоснуться перед сном. Мне жар не нужен. Тёплой воды будет достаточно.

Возвращаюсь в дом, но за стол не сажусь. Словно всё изменилось от моих откровений. Воздух накалился. Нет больше лёгкости.

Встаю перемывать посуду. Нежданные слёзы застилают глаза. Ничего не вижу. В мыльной воде неудачно хватаюсь за нож и режусь, вскрикнув от внезапной боли. И уже плачу, не таясь.

Тихон подходит сзади. Прижимается своей огромной грудью к моей спине и обхватывает руками.

– Ну что же ты такая неловкая, девочка моя, – бормочет он так тихо, что я еле разбираю. – Больно?

– Да, очень, – говорю я не только про руку.

– Сейчас промоем, и я повязку наложу.

Он усаживает меня на стул и садится на корточки передо мной. Льёт перекись на порез и дует. Я хочу улыбнуться, но губы предательски дрожат, а слёзы не перестают капать.

– В следующий раз мы вам индейку пожарим, – внезапно говорит Виктор. – Подумаешь, свинину она не ест.

Тихон усмехается и целует меня в кончик носа.

Сегодня к посуде меня не подпускают, я сижу и пью чай. Тихон сдвигает стол, освобождая место на полу для гостя. Расстиляет, чтобы моя кровать была скрыта от его глаз. *Наша*. Знаю, что сегодня он ляжет со мной.

– Пойдём спать, хозяйюшка? – спрашивает.

– Ложитесь, я хочу в баню сходить, – шепчу тихо. – Освежиться.

– Ты, Витюша, ложись, – заявляет Тихон. – А мы умываться пойдём.

Я краснею. От слов его. От мыслей своих. И ещё больше – когда он подхватывает чистые вещи и смотрит на меня.

Следует за мной по пятам. Дышит горячо. Часто. Распалённо.

Плотно прикрывает дверь в баню и помогает снять куртку. Гладит плечи. Сжимает слегка. К себе поворачивает. Изучает. Глаза в глаза. Я в ужасе. Сердце из груди сейчас выскочит.

Мужчина прищуривается. Целует меня мягко. Нежно.

– Не бойся, – шепчет. – Нам некуда спешить. Позволь тебе приятно сделать.

В горле пересыхает от одной мысли. От воспоминания крошечного. Тело дрожит. Хочет повторения.

– Один шаг за раз, – обещает Тихон.

И я сдаюсь. Напряжение в моей голове накаляется. Киваю неуверенно. Даю согласие молчаливое. А он только этого и ждал. Обрушивается на меня свои губы. И только один этот поцелуй выбивает землю из-под моих ног.

Если бы не сильные руки Тихона, я бы не смогла удержаться. Ноги превращаются в сладкую вату и не в силах больше меня держать.

– Такая отзывчивая, – шепчет он, стягивая с меня платье. – Ты не представляешь, что делаешь со мной!

Его шёпот рассекает воздух, пока он раздевает меня. Впервые я стою в одном нижнем белье перед мужчиной! Хочется закрыться, но он не позволяет.

– Ты прекрасна, – говорит. – Удивительно прекрасна!

Моё белье совсем не такое, что он принёс для меня. Плотная закрытая белая ткань. Я не чувствую себя в нём прекрасной. Нужно было надеть другой комплект. Если бы я знала!

Тихон прижимает меня к себе и расстёгивает замочек бюстгалтера. Невесомыми прикосновениями проводит по рукам, ляжки соскальзывают, и верх отправляется в сторону, к остальным вещам.

– Один за раз! – напоминает он и с жаром смотрит на меня.

Я вижу в его глазах огонь. Голодный. Жадный. Подминающий. Я вижу в его глазах желание. Лучше всякого изысканного комплимента.

Он целует меня и касается кончиками пальцев моей груди. Самых вершин. Твёрдых округлых бусин.

Его дыхание становится тяжёлым. Воздух пахнет тестостероном и моим соком.

Поцелуй углубляется. Более настойчивый. Проникающий глубоко в моё горло, пытающийся пролезть в самую душу.

Руки скользят по бёдрам, цепляя резинку трусов, и вот я абсолютно нагая. Перед ним.

Я дрожу. От страха. От страсти. От незнания.

Тихон смотрит мне в глаза и говорит проникновенно:

– Не бойся. Я не причиню тебе зла. Расслабься и получай удовольствие.

Нервный смешок срывается с моих губ. Легко сказать!

Глава 12

Он.

Меня раздосадовал разговор за столом. Тягостные думы охватили мой разум: что бы я сделал, ответь она положительно? Неужели погнал бы из своего дома и из своей жизни?

Девчущечка вышла из дома. Вылетела. А я пошевелиться не мог.

– Ты не знал? – спрашивает Витюша.

Качаю головой. Отрицательно.

– Много воды ушло, Тихон, – он касается моего плеча. – Мы больше не воюем. И тебе не нужно. Твоё сердце чего хочет?

Сердце ли? Сомнения одолевают. Разум кричит, что блажь это. Просто тоска по женскому телу. Жаждет испытать досуха ощущения новые. Заклеймить поцелуями хрупкое тело. Себе присвоить.

Но червячок сомнения и в сердце всё же имеется. Бунтует. Спротивляется. Голоса просят.

Нам некуда торопиться. Впереди зима длинная. А я, пока ответов на вопросы не получу, не выпущу девчонку из своего снежного королевства. Из логова зверя. Одинокого и голодного.

Хочу её. Всю. От макушки до пят. К чёрту сомнения. А с чувствами по ходу разбираться буду.

По одному шагу за раз. Сколько мне судьбою отмерено. Отсекая путь назад. Прежним мне не стать. Да и не хочу. Устал.

Возвращается. Посуду моет. На меня не смотрит. Тишина напряжённая в доме.

Прошу у Бога дать мне знак, хотя в моей жизни давно нет места вере. Один долбаный знак! Что я не совершаю ошибку.

Словно в насмешку слышу вскрик боли. Спасибо, блин!

Подхожу к ней. Ну точно – магнит для неприятностей. Руку ножом порезала, стоит и плачет.

Промываю, обрабатываю нежную ладонь. Хрупкую. Крохотную.

– В следующий раз мы вам индейку пожарим, – вставляет Витюша. – Подумаешь, свинину она не ест.

Я усмехаюсь. Могла вообще вегетарианкой оказаться.

– Пойдём спать, хозяйюшка? – спрашиваю, когда все дела переделаны.

– Ложитесь, я хочу в баню сходить, – отвечает еле слышно. – Освежиться.

От её шёпота кожа покрывается мурашками.

– Ты, Витюша, ложись, – бросаю другу. – А мы умываться пойдём.

Беру стопку вещей и смотрю на девчоночку. Краснеет. Взор тупит. Стесняется, распаяя меня всё сильнее.

Иду за ней. Как хищник. Что добычу приметил. Кажется, ещё немного и не смогу совладать с собой. Не смогу сдержаться. Накинусь.

Дверь в баню закрываю. Куртку снимаю. Ей помогаю. Стоит, не шелохнётся. Трусит.

Разворачиваю к себе и вижу страх, что в глубине глаз её плещется. Не хочу пугать. Разочаровывать. Хочу, чтобы доверилась слепо. Чтобы нырнула за мной в пучину удовольствия. Но доверие такое сразу не даётся.

Целую бережно губы ранимые. Сдерживаюсь. У нас есть время. Столько, сколько нужно, чтобы разгадать секреты и познать друг друга.

Раздеваю тело стройное. Тело, что в моей голове ни минуты покойной не оставило. Только им одним мысли охвачены.

Касаюсь её груди. Соски малиновые, тугие и жаждущие ласки, глазу пальцами.

Целую глубже. Ярость сдерживаю, пока могу. Настойчиво. Упрямо.

Спускаюсь ниже. Облизываю шею. Касаюсь шрама. Она вздрагивает. Обвожу поцелуями острые ключицы.

Мои нервы на пределе. Оголены.

Сажусь на лавку и к себе притягиваю. Вбираю круглые ягоды с её грудей в свой жадный рот. То одну, то другую. Остановки не знаю. Ласкаю языком. Посасываю.

Она опускает руки мне на плечи. Для опоры. Для поддержки. И стонет. Тихо. Словно стеснением охвачена. Хочу прекратить это. Хочу единственным быть, с кем она позабудется.

Вклиниваю меж коленей дрожащих свою ногу. Раскрываю. Как книгу фантазий дивных. Для меня одного написанную.

Скольжу рукой. Касаюсь влажного бутона. Трогаю лепестки. Она дыхание задерживает. Трясётся от страха.

– Не бойся, – повторяю я. – Один шаг за раз. Дальше не пойдём.

Целую нежную грудь и смотрю в её глаза смущённые.

– Я хочу тебе приятно сделать. Как в доме. Тебе же понравилось?

– Да, – выдыхает она. – Очень!

– Расслабься. И будет ещё лучше. Обещаю.

Припадаю к груди в ласках. Пальцами сок по лепесткам размазываю. Клитор набухший нарочно задеваю. Всё чаще и чаще.

Хочется опуститься на колени и попробовать её на вкус. Языком ощутить мягкость. Но это уже два шага. Хотя, уверен, ей понравится. Но спешить нам некуда.

Она руками впивается в плечи. Голову запрокидывает и дрожит. От страсти сгорает. Подаётся навстречу моим рукам и губам. Провожу пальцем по влажному входу. Слегка надавливаю. Дразню. Растираю клитор, поглаживаю. Трепещет в моих руках. Сосками бесстыдно трётся об моё лицо. Бёдрами подмахивает, ускоряя мои движения. Распалилась. Возжелала.

Меняю положение руки. Тру набухший бугорок, а сам палец ввожу. Миллиметр за миллиметром. Спугнуть боюсь.

Горячее лоно благодарно принимает. Влагой обдаёт. Сжимается вокруг, как греховная перчатка. От одного этого чувства готов кончить прямо себе в штаны!

Девушка распахивает глаза и пытается отойти. Удерживаю бёдра свободной рукой и ещё ближе к себе притягиваю.

Ласкаю, не зная устали. Палец скользит по узкому лону, другой – кнопку заведённую массирует. Рот не покидает её груди.

Она чуть сжимает бёдра и сильнее подаётся мне навстречу. Проникаю глубже. Ещё. И ещё.

Закусываю сосок. Надавливаю пальцем на мягкую плоть. Вгоняю палец по основанию и с шипением достаю, чтобы повторить движение. Снова и снова.

Пока наконец не слышу, как с довольным стоном с её губ срывается моё имя:

– Ах, Тииииихон!

Пульсирует вокруг пальца. Не прекращаю поглаживать и вставлять. Её сок стекает по руке и капает на пол, окрашивая воздух яркими ароматами. Не хочу останавливаться. Лишь притягиваю её лицо и целую губы. Жёстко и властно. Показываю всю степень моего вожделения.

Мой палец глубоко внутри неё. Она ёрзает. Стесняется чувства наполненности.

– Понравилось? – шепчу и палец продвигаю – туда и обратно. Она кивает смущённо. – Будет ещё лучше. Раз за разом.

– А сейчас? – пугается она и бёдрами ведёт.

– А сейчас я тебя помою, и спать пойдём.

Смотрит мне в глаза. Губы кусает. Словно решается на что-то.

Размереннее пальцем двигаю, растягиваю стенки податливые. Знаю, что не проникну сегодня – сам себе не позволю. Пока. Но так приятно!

Глава 13

Она.

О таком я только в книгах читала. Думала – вот однажды придёт за мной муж, руки моей у дядюшки попросит, а что меня там ждёт, замужем? Не сдержала любопытства, изучила в летние каникулы, как только шестнадцать исполнилось.

О таком в книгах писали. Об удовольствии, ни с чем не сравнимом. Что не каждой испытать дано, что не каждый доставить может.

Тихон – может. Возносит меня на самую вершину этого удовольствия одними лишь руками и поцелуями.

Мне странно смотреть на него без стеснения. Я голая перед ним, всё напоказ. И палец его во мне. Продолжает движение. Не даёт расслабленно выдохнуть.

Хочется вытолкнуть. Закрыться.

Хочется, чтобы не останавливался. Не прекращал мягких толчков. Мне *мало* будто бы.

Палец выскальзывает, и я хнычу. Не хочу, а сдержаться не могу.

Мужчина восхищённо смотрит на меня.

– Ещё? – спрашивает.

И я киваю. Знаю, что плохо себя веду. Но запретный плод сладок. Очень. Искушает меня. Томит обещанием.

Тихон с утробным рычанием терзает мои губы. Чувствую его плоть. Огромную. Вздыхающую. Я для него, что красная тряпка для быка. Если не удержится, возьмёт прямо на этой лавке, что с меня причитается. А мне словно всё равно. Сейчас я на всё согласна. Лишь бы ощутить тёплые волны, разбегающиеся прямо от влажной пульсирующей плоти по моим венам.

– Ненасытная, – похотливо шепчет он мне в рот. – Я не буду тебя долго мучить. Всё случится быстро.

Мне становится страшно от его обещания. Думаю, сейчас возьмёт и на член свой огромный натянет. Пугаюсь, отказаться хочу. И хочется, и боязно. Он... Такой большой. Совсем не как палец. Если палец с трудом вынесла, то как *его* принять смогу?

Но Тихон, кажется, и не думает об этом.

Рвёт меня на части своими дерзкими поцелуями, грудь терзает до боли да пальцами массирует по влажности.

– Сейчас я снова войду, – предупреждает.

Закрываю глаза, чувствуя давление. Распахиваю от удивления, что сразу два пальца входят. Скользят в меня. Туго наполняют.

– Такая мокрая, – шепчет Тихон. – Идеально готовая.

Краснею от его взгляда. Обжигающего. Воспламеняющего. Порочного.

Тихон шею мою целует. Кожу нежную зубами прихватывает. Трёт всё внутри. И снаружи. Нет сил сопротивляться. И я тону.

Бьюсь в его руках. Крепко держит. Ждёт, пока дрожь не остановится. Несёт и на полку сажает. Целует глубоко.

– Сейчас я приду, – говорит. – И помою тебя. Отдыхай.

– Куда ты, Тихон? – спрашиваю.

– Разденусь и сразу назад, – усмехается. – Одну тебя не оставлю.

Входит через пару минут. Обнажённый. Я краснею и глаза отвожу.

– Не надо пугаться, девочка, – шепчет Тихон. – Я хочу тебя до боли, так, что искры из глаз могут посыпаться, но, пока не станешь готова, пока не пойму этого, и пальцем тебя не коснусь.

Кривит губы в усмешке, довольный своей шуткой. И я краснею ещё больше от его не озвученных обещаний.

Будет касаться, пока полностью не овладеет.

Но с огромной плотью, что вверх гордо поднята, с венами вздутыми, багряной, гладкой, бархатной, нужно что-то делать.

О таком я тоже в книгах читала. Знаю, что вредно такое перевозбуждение.

Поднимаюсь, беру мочалку и в таз опускаю. Мылю. Руками в густую пену взбиваю. Подхожу к удивлённому Тихону.

Облизываю губы дрожащие и говорю:

– Я тебя первым помою, Тихон, – стыжусь своих слов. – Хочу тебе приятно сделать. Расслабься и получай удовольствие.

Он врзается в мои губы и жадно целует. А потом кивает. Могу начинать.

Руки трясутся, что делать, я и не знаю. Куда мне до его рук умелых!

Начинаю тереть его мочалкой со спины, с шеи, постепенно вниз спускаюсь. Дохожу до мясистых крепких бёдер и перехожу на лицевую сторону. Тру шею, грудь, живот. И откладываю мочалку в сторону.

Провожу осторожно по вздыбленной плоти руками мыльными. Такой твёрдый! Просто камень! Огромный, как скала. Горячий, как лава.

Тихон затаил дыхание. Меня боится испугать. Словно я сейчас и так не умру со страху.

Глажу ствол двумя руками. Ритм задать пытаюсь. Огромное тело мужчины дрожит под моими ладонями. Страстью объято.

– Да-а-а-а, – выдыхает мужчина. – Сожми чуть крепче, милая!

И я сжимаю. И он дёргается в моих руках. На лице – чистое блаженство. Семя струёй обжигающей льётся на мои руки.

Мужчина шумно выдыхает и прижимается лбом к моему. Заглядывает в глаза.

– Сегодня было быстро, – говорит. – Потому что я целый день на взводе от тебя. В другой раз будет медленнее.

И целует меня.

Быстро смывает с себя пену, намыливает меня, поливает чистой водой. Закутывает. Одевает. Несёт в дом.

В моей голове туман. Устала.

Стоит только голове на подушку упасть, блаженно закрываю глаза.

Чувствую на краю сознания, как Тихон ложится рядом. Прижимается к моей спине грудью гранитной. Обнимает меня и к себе притягивает, так, что я попой ощущаю его твёрдость.

– Спокойной ночи, моё сокровище, – шепчет мне на ухо.

От него исходит жар, и я засыпаю.

Глава 14

Он.

Поражённый в самое сердце, лежу и не могу глаз сомкнуть. Удивила меня девчоночка. Кошка моя ненасытная. Спит довольная. Утомлённая. И ко мне только теснее жмётся.

Тяжело вздыхаю. Плоть свинцом наливается от воспоминаний о сегодняшнем дне. О вечере нашем. О том, как легко отправить её парить на волнах оргазма. И о том, как я сам, словно мальчишка, воспарил от невинных прикосновений тонких рук.

Ухмыляюсь. Встаю и выхожу на мороз. Закуриваю. Витюша выходит ко мне.

– Долго вы умываетесь, – вздыхает и затягивается.

– Скажи ещё, что заскучал, – смеюсь.

– Нет. Но в следующий раз я первым пойду умываться.

Идёт к бане. Ворчит под нос. А я смеюсь ему вслед.

Просыпаюсь один в кровати. Шарю рукой по пустоте. Поднимаюсь.

Девчоночка моя с Витюшей во дворе прогуливается да с Полканом играет. Смеётся над рассказами боевого друга.

Вот тебе и защитник, что глаз обещал не спускать.

Гляжу на часы, а время к полудню приближается.

Выхожу за дверь.

– Тихон, – кричит она. – Одевайся теплее! Ты чего раздетый вышел?

Бежит ко мне. Румяная от мороза. Прекрасная.

Подхватываю её на руки и разглядываю. Налюбоваться не могу.

– Идём, я тебе чаю налью, – улыбается.

Хочу сказать, что кофе пью. Чёрный. Исключительно. Но понимаю, что действительно хочу чай. Думаю, яду предложит – и то отказаться не посмею.

– Как спалось? – спрашиваю.

– Хорошо, спасибо. – Её рука передо мной с заварничком. – Тебе, вижу, тоже хорошо спалось.

– Да, – протягиваю. – Давненько так не спал.

Улыбается. Глядит на меня. Ставит заварник. Рядом садится. Беру её руку. К губам подношу. Вдыхаю запах нежной кожи. Прохожусь поцелуями от запястья до кончиков пальцев. Такое вот утро. Доброе.

– Завтрак приготовить? – спрашивает. – Или обедать раньше сядем?

– Как тебе удобно, – отвечаю.

Она колдует у плиты, а я покурить иду. Витюша на улице мнётся.

– Ты чего здесь? – удивляюсь.

– Да непривычно, что ты теперь не один. Вроде как я – третий лишний.

– Мне и самому непривычно, – признаюсь. – Не знаю, как относиться к этому. Не понял пока. Ты вот смотришь на меня, радуешься. А я думаю: не сошёл ли с ума на старости лет? У нас почти двадцать лет разница. Она мне в дочери годится, Витюша.

– Любви все возрасты покорны, – подумав, изрекает друг. – Ты мне вот что скажи: уверен ли ты, что, кроме как в постели, она тебя привлекать будет? Ты, конечно, много лет в лесу живёшь, но... вернёшься с ней в город однажды. А дальше что?

– Она хорошей хозяйкой себя показала. Убраться, постирать, еды сготовить, печь растопить да баню разогреть – всё ей под силу. Ещё и живенькая такая, вроде смышлёная, образо-

ванная, весьма неглупая, красивая, здоровая, нетронутая, чистая, невинная, – говорю больше для себя. – Жизнь покажет. Знаешь же, что я наперёд не смотрю. Так далеко не заглядываю.

– Нетронутая? – тихо переспрашивает. – Даже тобой?

– Витюша, – пресекаю. – Не думаю, что стоит углубляться. Но, да.

– Попал ты, брат. Если тебя сейчас так к ней тянет, то потом вообще не остановишься. Или наоборот – возьмёшь своё и пресытишься быстро.

– Это меня и пугает, – соглашаюсь. – Не хочу ей жизнь испортить. Первый опыт – это на всю жизнь.

– А иногда он же и единственный, – вставляет Витюша. – Только ты определись, чего хочешь. На самом деле хочешь. Она-то, кажется, уже всё решила.

– Что ты имеешь в виду?

– Смотрит на тебя глазами влюблёнными, а ты будто и сам не замечаешь? – усмехается. – Да и ты на неё смотришь так же. Не как на объект вождления страстного.

– Скажешь тоже! Мы знакомы-то всего ничего. Я за неё переживаю, больно хрупкая. Как кукла фарфоровая. Упадёт неловко или зацепишь случайно, разобьётся на миллионы осколков. Ну и заводит она меня не по-детски, что я не мужик? Она же ходячая конфета! А она во мне защитника видит.

– Если не секрет, откуда она взялась?

– Какой уж тут секрет, сама в руки пришла. – усмехаюсь. – В город ездил, да электричку обратно до станции отменили. Пришлось на вокзале ждать. А она вышла из ночного поезда и помощи попросила. Правда, я думал, что это пацан. Уж в зимней одежде ночью особо не рассмотришь, а одета была в мужское. Удивился я тогда, Витюша, знатно, конечно.

– Прямо-таки почти рождественское чудо, – смеётся рыжий.

– Аккурат в католическое Рождество на меня свалилась, – подхватываю я. – Может, знак. Может, судьба. Я теряюсь в догадках. И что делать с ней не знаю, и как поступить правильно. Чувствую, что проникает в самую душу. Неприятности она притягивает. И меня к ней тянет. Это и пугает. Одно знаю, Витюша, что-то изменилось во мне с её приходом. Не стать мне прежним. И хочу её, и страшно до жути.

– Дай-то Бог, что разберёшься в себе. Ты всегда был лучшим из нас. Ты счастья заслужил. Выстрадал своё. А возраст... Она – молодая и здоровая, и сына успеет тебе родить и дочку, ещё и не один раз. Да и ты мужчина видный, на тебе ещё пахать и пахать. И выглядишь моложе своих лет. Только я тебя прошу, как брат брата, прежде, чем невинность её забрать, убедись, что намерения твои серьёзны, что не от скуки лесной поиграться с ней решил.

– Не сомневайся, – жму ему руку. – А иначе сам себя уважать перестану.

– Тебе, Тихон, нужно её в город свозить, – усмехается Витюша. – Если она фифа городская, избалованная, то сразу себя проявит. Особенно, если границы не обозначишь.

– Не думаю, что это про неё, но есть в твоих словах определённый смысл, – киваю. – На какое число у тебя билеты?

– В ночь на третье.

– Отлично, тогда провожать тебя вместе поедем. На ночь одну её здесь не могу оставить.

– И правильно, – улыбается друг. – И на свидание сокровище сводишь. Нельзя же только в лесу прятать. Нужно и миру показывать.

За спиной скрипит дверь.

– Тихон, омлет готов, ступайте с Виктором перекусить.

Глава 15

Она.

Здесь я не слежу за временем. Час заменяет недели, день тянется сладкой карамелью, а внимание и забота Тихона – ну чисто взбитые сливки с разноцветными посыпками. И мне кажется: всё, что было в прошлом, нереальное, а моё настоящее, реальное – здесь.

Днём мороз крепчает, и мы почти не выходим из дома, на удивление – мужчины предпочитают алкоголю настольные игры. С радостью присоединяюсь к ним в лото, делаю перерыв на готовку, позже – играю с ними в крокодила.

И, даже несмотря на разницу в возрасте, я не чувствую себя неловко. Напротив, с ними мне комфортней, чем когда-либо было с ровесниками. С ними интересно. То один, то другой сыплет фактами, отвечая на задания из карточек.

После ужина Виктор идёт в баню, и Тихон притягивает меня к себе на колени. Смотрит внимательно в глаза. Чего ищет? И находит ли? Не знаю. Целует меня. Нежно, но настойчиво. Крутит в своих руках. Словно пластилин. Мягкий и податливый. Под себя вылепливает.

Подхватывает меня одной рукой и на постель несёт. Накрывает своим телом, не обрывая поцелуя. Запускаю пальцы в жёсткую бороду. Глажу. К себе ещё ближе притягиваю.

– Скоро гость уедет, – обещает Тихон. – Не придётся по углам таиться.

Целует. Бережно. Мягко. Нежно.

– Давай ложиться, хозяйюшка, – говорит. – Мы завтра с утра на обход пойдём с Витюшей, а ты отдыхай. Вернёмся, к столу праздничному готовить будем.

Устраивается под одеялом, меня к груди своей тянет. Вдыхает жадно запах моих волос, что мурашки разбегаются по всему моему телу, и я вздрагиваю.

– Не бойся, – шепчет Тихон. – Я тебя не обижу. Не причину зла.

А я не боюсь. Рядом с ним я чувствую себя в безопасности. Красивой и желанной. Впервые в жизни. И мне спокойно рядом с ним. Комфортно. Хотя мои мысли и чувства опережают время, но я верю. Верю ему.

Утром просыпаюсь от того, что они тихо переговариваются. Собираются на обход. На улице ещё темно.

– Спи, – шепчет Тихон и целует меня. – Скоро вернусь. Сегодня без задержек. Обещаю.

Но сна у меня уже нет. И не будет. Только мужчины за порог – принимаюсь за дело. Кое-как, чуть-по-чуть, мне всё же удаётся снять пыльные занавески. Замачиваю их и мою окна.

В доме сразу становится светлее. И дышать легче!

Пока занавески отмокают, готовлю обед. Делаю борщ пожирнее да понаваристее. Запекаю мясо с картошкой на огромном противне, поняла, что эти мужчины мясоеды и большие любители вкусно поесть.

Меню для новогоднего стола мы не обсуждали, но я ставлю размораживаться утку, говяжьё вырезку и кусок свинины.

К обеду мужчины действительно возвращаются и сразу накидываются на еду. Я довольна. Смогла угодить.

После обеда Виктор идёт покомарить в бане, а Тихон осматривает свой дом и бросает на меня хмурый взгляд.

– Зачем сама под потолком лазала?

– Я осторожно, – улыбаюсь ему.

Подходит ко мне, головой качая.

– Не нужно было самой, – роняет глухо, – меня проси в другой раз.

– Тихон, – твёрдо отрезаю, – я не белоручка. Не привыкла помощи ждать в обычных бытовых делах. Что же я с занавесками совладать не смогу?

– Ты не белоручка, – кивает согласно, – но у нас иначе к женщинам относятся.

Слышу в его словах недосказанное: чем у нас, мусульман. Знаю, что имеет в виду. Мне и приятно, и нет. Не знала я такой заботы никогда. Не знала, что так бывает. Дядюшка в доме был господином, а мы ему угождали.

– Привыкай, – продолжает, – что теперь у тебя есть помощник. И не вздумай сама без меня на табурет вставать.

– Хорошо, – губы сами по себе в улыбку растягиваются.

Взгляд мужчины смягчается. Тянет меня к своей груди. Руками огромными обхватывает. И кажется, захотел бы, руки просто сжать может и переломить меня. Вот так легко. Такая мощь ощущается под обычной хлопковой кофтой. Но я чувствую иначе – верю ему. И сколько силы сокрыто в его руках, столько защиты он мне может предложить. И мне спокойно. Кто же в здравом уме против такого богатыря пойдёт?

Его рука скользит по моему подбородку, вынуждает поднять взгляд. В его глазах столько сокрыто, но и словно всё напоказ. Смотрит своим пронизывающим взглядом. Насквозь. Что аж дыхание перехватывает.

Я дрожу в его руках.

– Не бойся, – шепчет мужчина. – Я не причиню тебе зла.

Я знаю. Я не боюсь. Моё тело реагирует странно на эту близость. Пылает. Тянется к нему.

Подаюсь вперёд. Взгляд мужчины темнеет. Опасным становится. Желаниями полным. Подхватывает меня под бёдра и на талии устраивает. Вынуждает обхватить ногами своё мощное тело. Так, что подол платья к талии поднимается. Так, что сердцевиной горячей ощущаю его длину.

Теперь моё лицо над ним возвышается. Склоняюсь медленно. Почти не дышу. Он терпеливо ждёт. Обвожу самым кончиком языка контур его губ. Очерчиваю. Дыхание Тихона сбивается.

– Если ты меня поцелуешь, – говорит с усмешкой, – не смогу удержаться. Запущу руку в твои трусики и буду ласкать, как захочу. Я прямо извёлся весь. Больше суток не слышал твоих стонов.

Я краснею от его слов. Незамысловатым движением Тихон меня прижимает к себе. Ближе притягивает. Словно насаживает на свою твёрдую плоть. Трёт моей жаждущей ласки влажностью о свои штаны. Знает, где надавить и когда нужно.

– Но и если не поцелуешь, – продолжает, – найду как приятно сделать. Всё равно услышу, чего хочу.

Смотрит хитро. Изучает на моём лице смятение. Гадает, чего выберу.

– Тебе решать сегодня, – поддразнивает.

Глава 16

Он.

Смотрю в её глаза. Ресницы дрожат, отбрасывая тени на скулы. Трепыхаются. Вижу в её взгляде предвкушение. Знаю, чего хочет. Того, что я хочу ей дать.

Меня заводит эта маленькая игра. Доводит до безумия. Не давать ей ни малейшего шанса для отказа. Взять то, чего хочу. До боли. До судорог.

Хочу услышать протяжно своё имя. В сладком стоне удовольствия. Слетающем с её губ.

Не доведёт до добра. Не выдержу. Но не могу её не касаться. Хочу утонуть в её море. Хочу сорвать все замки. Распечатать все двери. Её тело – моё чистилище. Подводит к самому большому греху.

В моих силах сделать её роскошной женщиной. Обучить принимать удовольствие во всей красе. Не довольствоваться малым. А потом – жизнь покажет. Уйдёт или останется.

И для этого мне не обязательно срывать девственную печать с её цветка. Пока.

Пока в себе не разберусь. Пока не пойму, чего желаю.

Смотрю в её глаза. Чего выберет? На что решится? Всё честно. Испугается проникающих прикосновений рук, попробует силу трения.

Она закрывает глаза и склоняет лицо к моему. Пальцы сжимают ворот кофты. Умница.

Целует меня. Нежно. Едва касаясь. Углубляет поцелуй.

Сдвигаю в сторону трусики и ощущаю влажность. Как же она заводит меня! Чертовка! Стоит лишь намекнуть, уже мокрая.

Раскрываю влажные лепестки и чувствую на губах стон, от которого сжимается в спазме болезненном мошонка.

Она так близко к моей вздыбленной плоти, что я ощущаю её горячую киску. Влага пропитывает меня насквозь. Словно я уже попал в её чертоги.

Двигаю пальцем вдоль складок. Скольжу. Мягко проникаю. Насаживаю, имитируя порочную скачку на члене.

Ласкаю твёрдый клитор ладонью, пока палец стимулирует точку g. У неё внутри чертовски горячо. Узко. Влажно. Представляю, как однажды возьму её в такой позе. Физически ощущаю это. Фантастика.

Ускоряюсь. Не хотелось бы, чтобы Витюша пришёл в самый неподходящий момент. Хочу успеть насладиться ею. Довести начатое до конца.

Она дрожит и глаза закатывает. Врываюсь жадно в её рот и сильнее к себе прижимаю. Пальцем усиливаю давление внутри, ладонью – снаружи.

Вижу, девчоночка в лице меняется. Пугается внезапно. Понимаю – близка. Такое порочное удовольствие для неё станет откровением. Но окрасит яркими красками её жизнь. И мою.

Грубо вторгаюсь в её рот. Отрезаю возможность возражения. Крепко держу вплотную к себе. Не даю сопротивляться. Подчиниться заставляю. В грех нырнуть за мной.

Целую её без остановки. Мы задыхаемся от недостатка воздуха. Жадно хватаем секундными дозами. Вспышками между натиском моих губ.

Ещё сильнее на палец насаживаю и по кругу ладонью растираю кнопку горящую. Бусину жемчужную. Тугую. Жаждущую прикосновений.

Тело под моими руками напрягается. Выгибается дугой навстречу моей груди. Бьётся. Отбивается руками. Отстраниться желает. Отодвинуться от меня. Прекратить. Пугается незнакомых чувств.

Да только нет у неё столько силы. А я не поддаюсь. Знаю, чего добиться хочу.

Лишь продолжаю движение.

Тело в руках бьется. Дрожать начинает. Стоны изливаются в мой рот. Расслабляется. Отдаётся в волю мне. И наконец протяжно стонет.

– Ааааах, Тиийихон!

Пульсирует, сжимается, расслабляется. Тёплая волна влаги вырывается и пропитывает мне штаны. Ощущаю, как мокро мне становится. Тесно. Член распирает. Горит. Требуется разрядки.

Вторая волна влаги вырывается. Орошает мою ладонь. Брызги летят во все стороны.

– Аааах, Тиийихон! – стонет она и продолжает извиваться на мне.

Третья волна влаги вырывается. Пропитывает мои штаны. Касается члена. Представляю, как насаживаю её. Растягиваю тугое лоно и плотью своей наполняю. Тру её влажной, сочащейся щелью о вздыбленный кол. Распухший до боли. Влага обволакивает головку и стекает по стволу. С рычанием болезненным терзаю её губы. И спускаю обжигающее семя прямо в штаны.

Извлекаю мокрую руку и об штанину вытираю. Девчонка голову склонила на моё плечо и затихла.

– Эй, – тихо зову я. – Всё хорошо?

Заходится в рыданиях. Я теряюсь. Только что стонала от удовольствия, а тут – слёзы. Испугал? Растерялась от незнакомой реакции?

– Девочка моя, – шепчу ей на ухо. Прислушивается, но рыданий не прекращает. – Всё хорошо. Всё прекрасно. Ты – большая умница. Такая отзывчивая на ласки. Так отдаёшься наслаждению! Многие опытные женщины могут тебе позавидовать.

– Прости, Тихон, – рыдает она. – Прости. Я больше так не буду.

Я мягко смеюсь от понимания.

– Будешь, – заверяю. – Со мной будешь. Посмотри на меня.

Головой мотает.

– Стыдно, – шепчет. – Мне так стыдно!

– От того, что оргазм испытала? – спрашиваю. – Яркий, эмоциональный, ошеломляющий? Прекрасный? Запоминающийся?

– От того, что не сдержалась... – качает головой.

– Посмотри на меня, – приказываю.

Поднимает заплаканные глаза. Во взгляде извинение. Качаю головой.

– Твоё тело – удивительный механизм. Во время оргазма ты способна, как и я, выплёскивать особый секрет. Твоё тело вырабатывает его в ответ на удовольствие. Тебе не нужно смущаться. Посмотри, как я желаю тебя! Мои мысли только тобой охвачены. Ты – очень горячая. Отзывчивая. Страстная. Отбрось свои страхи. Ты создана для этого удовольствия. И я могу тебе его дарить. Вид тебя кончающей сводит меня с ума. Не вздумай стесняться и замыкаться. Я не причиню тебе зла. Не сделаю ничего, что могло бы тебе навредить. Верь мне. Не бойся.

Целую её. Отсекаю все сомнения. Отдаю ей всё своё желание и страсть. Хочу, чтобы знала. И не вздумала сомневаться. Ни на секунду.

– Теперь ты заводишь меня ещё больше, – говорю. – Останавливаться не хочется. Только рядом с тобой быть. Касаться тебя. Очень мне по вкусу такое развлечение. А тебе понравилось? Каково было? По-новому?

Её глаза загораются.

– Да. В этот раз было... Интенсивнее.

– Будет ещё лучше. Раз за разом. – обещаю ей. – Давай приведём себя в порядок? Мои штаны изрядно пострадали. Ты кончила мне на штаны, а я – в. Тебе нужно сменить трусики и платье.

Несу разную ерунду лишь бы отвлечь её. Или себя. Не знаю. Если бы не Витюша, распластал бы её сейчас на кровати. Хотя, после выброса энергии, единственное, чего хочу, это прижаться к ней и поспать.

Глава 17

Она.

Я хотела его поцеловать. Поэтому выбрала первый вариант.

Но если бы знала, к чему он приведёт, не целовала бы.

Как только его палец неспешно проник и заскользил внутри меня, я почувствовала себя странно. Пугающе. Тихон мягко массировал стенку лона. Вызывал чувство сдавленности.

Я испугалась. Хотела, чтобы прекратил меня трогать. Чувствовала напряжение, какого ещё не испытывала. Всё было иначе. Так же приятно, но иначе. Меня пугала реакция моего тела.

Он довёл меня до вершины наслаждения, но произошло *кое-что*. Я чуть со стыда не сгорела. Я... описалась. Кажется. Иначе почему из меня вытекало сколько жидкости? Это ужасно! Он больше никогда не захочет меня трогать. Ему будет противно.

Но Тихон лишь смеётся в ответ на мои слёзы. Убеждает, что всё прекрасно. Я смущена ещё больше. Ему, выходит, понравилось?

Так, что он кончил в штаны? Только от того, что я сделала это? Вообще от меня?

И самое странное, пугающее, что и мне понравилось. Действительно, ярко. Чувственно. Я ощущаю слабость во всём теле.

Когда Тихон ставит меня пол, ноги подгибаются и я едва не падаю. Мужчина подхватывает меня и выдаёт мягкую понимающую улыбку. Помогает снять платье и стягивает трусики. И усаживает на кровать. Нежно промакивает мягким полотенцем между ног, вынуждая вздрогнуть. Улыбается порочно, наклоняется слишком близко и дует на складки чувствительные. Заставляет меня думать о иных ласках.

Он протягивает мне свитер, легинсы и кружевные трусики. Жадно смотрит, как я их надеваю. Я одеваюсь быстро, помня про гостя. Он может вернуться в любой момент.

Тихон с трудом стягивает мокрые штаны вместе с трусами, и я поспешно отвожу взгляд. Он усмехается. Вытирается тем же полотенцем. Надевает сухое бельё, и я дышу ровнее. Тихон натягивает спортивные штаны и меняет кофту.

Сгребает в кучу наши вещи. Протирает пол. Его лицо спокойное и расслабленное. Довольное. Как у сытого зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.